

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вишневого, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

Речь тов. МОЛОТОВА при открытии Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки 1-го августа с. 1.

Товарищи! Открытие Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки является всенародным торжеством. В ней находят свое отражение великая победа колхозного строя, окончательное очищение советскую землю от кулаков и других эксплуататоров, освобождение пути для победоносного похода социалистического сельского хозяйства и всей нашей страны.

Всесоюзная Сельскохозяйственная Выставка, почин организации которой принадлежал 2-му Всесоюзному Съезду колхозников-ударников в 1935 г. — это, прежде всего, выставка колхозов, выставка колхозных побед, в которых мы видим всепобеждающую силу союза рабочих и крестьян под знаменем коммунизма (аплодисменты), под знаменем великой партии Ленина — Сталина. (Бурные аплодисменты. Возгласы «Ура!»). В этом ее коренное отличие от сельскохозяйственной выставки 1923 года, когда в нашей стране господствовало единичное мелкое крестьянское хозяйство, а колхозы и совхозы были еще совсем слабы и занимали малозаметное место.

Настоящая Сельскохозяйственная Выставка позволяет итоги десятилетия, в начале которого крестьянские массы окончательно повернули от мелкого единичного хозяйства к крупному колхозному хозяйству. Вспомните, товарищи, «год великого перелома» — 1929 год, когда совершился этот поворот крестьянства на путь коллективизации. Тогда, десять лет тому назад, почва для перестройки сельского хозяйства на основе колхозов была уже во многом подготовлена. Советская власть окрепла. Наша индустрия начала массовую выработку тракторов и машин для сельского хозяйства. Борьба с кулачеством, особенно во время хлебозаготовок 1928—1929 г.г., развернулась по всему фронту и превратилась в общее наступление против капиталистических элементов. В деревне имелись уже большой опыт сельскохозяйственной кооперации. Успехи первых колхозов и совхозов получили известность. Партия и Правительство провели к этому времени большую работу по разъяснению крестьянам того, что настоящий подъем сельского хозяйства и обеспечение гармоничным и другим сельскохозяйственными продуктами возможен только с переходом крестьян на путь колхозов, на путь коллективизации единичных хозяйств. Тогда произошел исторический поворот крестьянства нашей страны на путь колхозов. В своей знаменитой статье «Год великого перелома» товарищ Сталин писал в конце 1929 года:

«В колхозы пошел середняк. В этом основа того коренного перелома в развитии сельского хозяйства, который составляет важнейшее достижение советской власти за истекший год...»

Рушится и превращается в прах последние надежды капиталистов всех стран, мечтающих о восстановлении капитализма в СССР. — «священный принцип частной собственности». Крестьяне, рассматриваемые ими как материал, уваживающий почву для капитализма, массами покидают хваленые знамя «частной собственности» и переходят на рельсы коллективизации, на рельсы социализма. Рушится последняя надежда на восстановление капитализма».

Этот поворот крестьянства на путь коллективизации позволил нашей партии и Правительству поставить задачу перехода от политики ограничения кулачества к новой политике — к политике ликвидации кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации. Преодолевая беспешое сопротивление кулаков и других контрреволюционных элементов в деревне, преодолевая сопротивление охвостья буржуазии в нашей стране, — всех этих троцкистов, правых и иже с ними, — большевистская партия сдвинула трудя-

щихся деревни под своим знаменем, под знаменем советской власти, строившей колхозы, несмотря на все сопротивление враждебных элементов и несмотря на опасные вывихи всякого рода «левых» перегибщиков, — и одержала славную победу. (Бурные аплодисменты). Поворот крестьянства на путь колхозов в 1929—1930 гг. и окончательная победа колхозного строя в нашей стране, как и последующие успехи колхозов, неразрывно связаны с именем великого вождя нашей партии и народов Советского Союза — с именем великого Сталина. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Возгласы «Ура!»).

Чтобы закрепить свои победы, колхозы должны были пройти через трудный период реорганизации сельского хозяйства. Три-четыре года потребовалось на то, чтобы организация колхозов в основном была закончена, чтобы основная масса крестьянства окончательно закрепилась в колхозах. После этого начался постепенный и неуклонный подъем сельского хозяйства на основе колхозов, на основе колхозного строя.

И вот теперь, всего через десять лет, мы имеем уже окончательно окрепшие колхозы и безраздельно господствующую в нашей стране социалистическую систему сельского хозяйства. Теперь уже вся посевная площадь, за малым исключением, принадлежит колхозам и совхозам. Меньше процента составляют сейчас посевы единичных хозяйств в нашей стране. Наше сельское хозяйство богато вооружено новой техникой, какой оно раньше не знало. Количество мощных тракторов в сельском хозяйстве превышает полмиллиона штук. Эти трактора выполняют громадную работу, во многом облегчая труд колхозников. Количество комбайнов достигло 165 тысяч. Комбайны должны в этом году убрать больше половины всей посевной площади зерновых культур. Количество грузовых автомобилей превышает 200 тысяч. В сельском хозяйстве много также других, нужных ему машин, и с каждым годом растет мощь его новой техники. Число машинно-тракторных станций достигло 6,5 тысяч. Эти МТС выполняют главную организаторскую работу в деле подъема всего колхозного хозяйства. Число совхозов достигло почти 4 тысяч, и среди них растут ряды образцовых хозяйств. Все это позволяет нам сказать, что в основном уже завершена реконструкция нашего земледелия на основе новой современной техники. (Аплодисменты). Оснащение современной техникой в нашем сельском хозяйстве стоит теперь выше, чем в любой другой стране.

Созданы многочисленные кадры механиков, трактористов, комбайнеров, шоферов, — их число превышает 1,5 миллиона человек. Из этой среды и, особенно, из среды трактористов и комбайнеров, выдвинулись уже многие знатоки дела, давшие замечательные образцы стажировочной работы, и имена лучших среди них знает весь наш советский народ. (Аплодисменты). Сотни тысяч и миллионы людей из крестьян превратились за эти годы в опытных организаторов крупного общественного хозяйства в колхозах, в колхозных звеньях и бригадах. Эти люди стремительно овладевают передовой сельскохозяйственной культурой, сельскохозяйственной наукой.

Все это говорит за то, что созданы благоприятные условия для могучего подъема сил нашего земледелия и всего сельского хозяйства. Валовая продукция сельского хозяйства превысила уже в прошлом году в полтора раза валовую продукцию сельского хозяйства в 1913 году. Подъем идет во всех отраслях сельского хозяйст-

ва: по зерну и по хлопку, по свекле и по льну, по овощам и по цитрусовым субтропическим культурам. Поставленная нашей партией задача обеспечить 7—8 миллиардов пудов урожая зерна успешно выполняется. Так, и в этом году при хорошей организации уборки мы имеем полное основание рассчитывать на сбор 7 миллиардов пудов зерна. (Аплодисменты). Это лишь один из примеров того, какими крупными шагами идет подъем социалистического земледелия.

И в области животноводства, где у нас было наибольшее отставание, мы имеем за последние годы серьезное улучшение. Последнее решение партии и Правительства о подъеме животноводства сыграло в этом отношении важную роль. Принятые этим решением меры к подъему животноводства и к переходу от старой системы к новой системе мясоставок, по количеству имеющейся у колхоза земли, облегчают положение колхозов, наиболее забитых в развитии животноводства, и вместе с тем дают толчок к решительному подъему животноводства во всех колхозах. Можно с уверенностью сказать, что 1939 год значительно выдвигает вперед колхозное животноводство. (Аплодисменты).

Прошло всего десять лет, как наше крестьянство в массе своей начало строить колхозы. Теперь мы имеем 240 тысяч колхозов, в которых объединено почти все крестьянство нашей страны. На наших глазах во всех отраслях сельского хозяйства идет неуклонный, все расширяющийся подъем социалистического сельского хозяйства. Освобожденное от пут капитализма, вооруженное передовой техникой, организованное, как крупное общественное производство, наше сельское хозяйство растет и крепнет с каждым годом. Наша деревня окончательно освободилась от помещиков и кулаков, от всяких эксплуататоров. В нашей деревне нет больше и крестьянской бедноты, которая недавно еще составляла треть крестьянской массы, а до революции составляла больше половины крестья-

нства. Мы навсегда освободились и от этого спутника старого, буржуазно-помещичьего государства. Крестьяне-колхозники трудятся теперь только для себя самих, для своего благополучия и счастья. (Аплодисменты). Для всех крестьян-колхозников в нашей стране открыт путь к зажиточной и культурной жизни. (Аплодисменты). Ни в одной другой стране, никогда при капитализме, трудящиеся крестьяне не могут об этом и мечтать.

Всесоюзная Сельскохозяйственная Выставка дает многочисленные доказательства этому показом многих тысяч живых примеров роста и укрепления наших колхозов и совхозов, показом многочисленных примеров зажиточной и культурной жизни колхозников. Эта выставка дает показ намечавшегося могучего расцвета сил всех республик, краев и областей нашей великой страны. Она освещает ярким светом рост и подъем всех отраслей нашего сельского хозяйства, подъем сельскохозяйственных культур и различных видов животноводства, успехи машинно-тракторных станций и колхозов, успехи совхозных и колхозных ферм, успехи научных учреждений и отдельных выдающихся работников сельскохозяйственной науки, успехи и достижения отдельных передовиков и знатных людей нашей колхозной деревни. (Аплодисменты).

Всесоюзная Сельскохозяйственная Выставка организована не по обычным шаблонам. Здесь не просто представлены те или иные хорошие образцы работы, те или иные образцы сельскохозяйственной продукции. Право участия на Сельскохозяйственной Выставке определяется точными научно-обоснованными условиями отбора кандидатов. Чтобы получить право участвовать на Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставке колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции, колхозные и совхозные фермы, научно-исследовательские учреждения, селекционные и опытные станции должны иметь определенные показатели своей работы за последние два

года, а именно — за 1937—1938 гг. Для каждой сельскохозяйственной культуры по соответствующим зонам, установлена определенная высота урожайности, для каждого вида животноводческого хозяйства установлены определенные показатели выпасивания молодняка и продуктивности, при достижении которых за последние два года только и можно получить право участия на Сельскохозяйственной Выставке. Установлены определенные показатели хорошо организованной работы МТС, а также установлены показатели работы за последний 1938 год для передовиков сельского хозяйства. Только при достижении этих показателей колхозы, совхозы и другие организации, а также отдельные передовые люди сельского хозяйства, получали возможность стать участниками Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки и тогда записались в почетную книгу Выставки. Устанавливая эти показатели по образцам передовых хозяйств и по хорошим образцам работы отдельных знатных людей колхозного и совхозного хозяйства, мы исходили из того, чтобы поставить перед каждой отраслью сельского хозяйства и перед каждой группой работников социалистического земледелия и тем самым перед всей массой колхозов и совхозов свои конкретные задачи на ближайшее время. Мы руководствовались при этом тем, что это должны быть такие показатели, достижение которых, в среднем, всей массой колхозов и совхозов означало бы выполнение и даже перевыполнение заданий третьего пятилетнего плана по сельскому хозяйству. Это дает, вместе с тем, возможность определить, какая республика или область идет вперед или, наоборот, отстает по тому или иному виду сельского хозяйства, в какой из них выращено больше передовых людей сельского хозяйства. В программе показателей для Сельскохозяйственной Выставки дана, таким образом, программа нового подъема сельского хозяйства в соответствии с планом третьей сталинской пятилетки. (Бурные аплодисменты).

Чем скорее мы обеспечим выполнение всей массой колхозов и совхозов показателей, установленных для участников Сельскохозяйственной Выставки, тем скорее мы обеспечим выполнение всего плана третьей пятилетки по сельскому хозяйству. В этом значении Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки, как организатора социалистического соревнования за выполнение третьей пятилетки. (Бурные аплодисменты).

Отбор участников Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки показал, что у нас уже не мало таких колхозов, совхозов, МТС, колхозных ферм, а также передовиков колхозного и совхозного хозяйства, которые идут на уровне требований третьей пятилетки, а во многих случаях и значительно вперед этих требований. И Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставке получили право участвовать 15.059 колхозов, 11.004 колхозных ферм, 268 МТС, 795 совхозов. Кроме того, на Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставке получили право участвовать 155.821 человек из передовиков и знатных людей сельского хозяйства. (Бурные аплодисменты). При достижении хороших показателей работы за 1939 год, в будущем 1940 году в Сельскохозяйственной Выставке смогут принять участие новые тысячи и тысячи колхозов и совхозов, новые десятки тысяч передовиков сельского хозяйства. Пожелаем же, чтобы как можно шире развернулось социалистическое соревнование между республиками, краями, областями и районами, между колхозами, МТС и совхозами за завоевание права на участие в Сельскохозяйственной Выставке не только в этом, но и в 1940 году! (Аплодисменты).

По всем отраслям сельскохозяйственных культур, по всем отраслям животноводства на этой Выставке имеются в натуре самые замечательные образцы и до-

стижения, нередко превышающие мировые рекорды. Сила колхозного строя демонстрируется этой Выставкой с исключительной убедительностью, а тысячи ее образцов, представленные здесь всеми республиками, краями и областями, дают представление о бесчисленных богатствах сельского хозяйства Советского Союза, об его исключительном разнообразии, неуклонном подъеме и великих творческих силах. Наша Выставка не только дает итог побед, но и является мощным призывом к дальнейшему подъему сельского хозяйства, к новым славным победам социализма. Демонстрацией побед колхозного строя мы демонстрируем великую силу организации нашего нового советского колхозного крестьянства, самого многочисленного класса трудящихся нашей страны. Рабочий класс нашей страны организован в могучую советскую силу, благодаря росту и неуклонному подъему крупной социалистической индустрии. Колхозы, превратившие наше крестьянство из разрозненных и распыленных мелких хозяйств в строителей общественного социалистического хозяйства, превратили советское колхозное крестьянство в великую силу, демонстрирующую сегодня громадные успехи своей хозяйственной организации, культурного роста и социалистической сознательности. (Аплодисменты). Таким образом, демонстрация колхозных побед означает громадные успехи в хозяйственной и политической организации всего нашего народа. Славные нерушимой дружбой народы Советского Союза представляют невиданную в прошлом, невозможную при капитализме великую, организованную силу. (Аплодисменты). В этом — залог дальнейших успехов коммунизма в нашей стране. В этом — великое международное значение демонстрации колхозных побед.

Разрешите всех, кто своей примерной работой обеспечил себе право участия на Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставке, горячо приветствовать от лица партии и правительства. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Возгласы «ура!»). Разрешите передать благодарнейший привет зажиточным людям социализма колхозов и всем тем, кто теперь ведет неуклонную борьбу за новые и новые успехи колхозов и совхозов. (Бурные аплодисменты). Разрешите поздравить организаторов и строителей, архитекторов и художников, ответственных руководителей и рядовых работников Выставки с успехом выполнявших свою задачу. (Бурные аплодисменты).

Да здравствует победоносное колхозное крестьянство Советского Союза! (Бурные аплодисменты. Возгласы «ура!»).

Да здравствует несокрушимый союз рабочих и крестьян, строящих социализм! (Бурные аплодисменты. Возгласы «ура!»).

Да здравствует организатор наших побед — великая партия Ленина — Сталина! (Бурные, продолжительные аплодисменты. Возгласы «ура!»).

Да здравствует великий вождь страны колхозов и социализма товарищ Сталин! (Бурные, продолжительные аплодисменты. Возгласы «ура!»).

По поручению Центрального Комитета большевистской партии и правительства Советского Союза объявляю Всесоюзную Сельскохозяйственную Выставку открытой.

(Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Возгласы — «Да здравствует Глава Советского Правительства товарищ Молотов! Ура! Товарищу Сталину ура!»).

Площадь колхозов на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Фото Б. Фадеева и Д. Чернова. (Фотохроника ТАСС).

В избирательную кампанию

В конце 1939 года по всей Российской Федерации, как и в других союзных республиках, пройдут выборы в местные Советы депутатов трудящихся.

Всем хорошо известны выборы в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных республик. Это были дни торжества сталинского блока коммунистов и беспартийных.

Сейчас мы вновь накануне избирательной кампании. По своему масштабу она, конечно, превзойдет все предыдущие.

Вспоминаются сейчас замечательные слова Владимира Ильича Ленина, сказанные им в 1918 году: «Нужны, разумеется, не недели, а долгие месяцы и годы, чтобы новый общественный класс, и притом класс доселе угнетенный, задавленный нуждой и темпотою, мог освоиться с новым положением».

ПИСАТЕЛИ ЕДИНОДУШНО ПОДПИСЫВАЮТСЯ НА НОВЫЙ ЗАЕМ

Писатели и работники искусства Москвы с большим воодушевлением встретили постановление правительства о выпуске нового займа.

Вчера к полудню во Всесоюзном управлении по охране авторских прав и Московском комитете драматургов на новый заем подписались 60 драматургов и композиторов на 160.600 рублей.

Н. Погодин подписался на 50.000 рублей.

К. Тренев и Н. Вирта подписались по 10.000 рублей каждый.

В. Гусев и Н. Волков подписались по 5.000 рублей.

И. Фини подписался на 4.000 рублей, М. Гальперин, М. Буланов и В. Шершенич — по 3.000 рублей.

Композитор Р. Глиэр подписался на 6.000 рублей, М. Блантер — на 5.000 рублей.

В обменении издательства «Советский писатель» на заем подписались 144 человека на 73.700 рублей (в среднем на месячную зарплату).

В группоме «Советский писатель» подписались на заем 40 писателей на 17.300 рублей.

В издательстве «Детская литература» охватывало подпиской 287 человек на 136.345 рублей.

В группоме писателей при Детиздате подписались на заем 39 писателей на 26.050 рублей.

С. Маршак подписался на 3.000 рублей, А. Гайдар и Л. Нейтко — по 2.000 рублей, И. Паустовский и Е. Благинина — по 1.500 рублей.

Коллектив работников Издательства «Художественная литература» с большим энтузиазмом встретил правительственное постановление о выпуске нового государственного займа Третьей Пятилетки (выпуск 2-го года).

«Считаем главной своей задачей, — говорится в резолюции, принятой на митинге, посвященном займу, — быстро реализовать заем, охватить подпиской всех работников Гослитиздата и все население избирательного участка».

Литературная газета

ма (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации».

За последние годы особенно обновились и омолодился наш советский, партийный и общественный аппарат. Пришли тысячи и десятки тысяч людей, проявивших себя в будничной повседневной работе по строительству коммунистического общества.

Новая избирательная кампания снова покажет, какими неисчерпаемыми ресурсами мы обладаем. Советский народ должен будет отобрать людей, беззаветно преданных делу коммунизма, людей ленинского сталинского типа, способных всю свою жизнь посвятить служению народу.

Советские писатели в прошлые годы принимали самое активное участие в избирательной кампании. Десятки товарищей работали на избирательных участках, многие поэты выступали на митингах и собраниях со своими стихами.

Чем шире и лучше будет поставлена предварительная организационная и пропагандистская работа, тем больше уверенности, что выборы в местные Советы пройдут снова на высоком идейном и политическом уровне.

«ДЕЛЕГАТЫ ВЫСТАВКИ»

Она начинается залогом, очень залогом до Пушкинского, до той огромной территории, некогда бывшей пустырем, в бывшем Останкине, под Москвой.

Да еще даже раньше начинается она: в дальних поездках, везущих на выставку ко всем концам земли нашей делегатов. Делегаты выставки. Так и написано на одном из плакатов в центре Москвы, над садом «Эрмитажа»: «Привет делегатам Всесоюзной сельскохозяйственной выставки!».

Пока еще праздник... Третий день выставки и в аллеях — еще праздничная приподнятость, какая-то особая торжественность в лицах посетителей, в жесте миллионеров, белой перчаткой показывающего дорогу потокам автомобилей, в выражениях служащих — билетеров, распорядителей, экскурсоводов, в позах колхозников, стоящих у представляемых ими богатств.

Идут смотреть. И смотрят пока по-праздничному. Это скорее торжественное шествие; мимо дворцов, мимо машин, мимо телет, мимо необыкновенных петухов, мимо замечательных роз, мимо лисенокской ржи, мимо транспарантов, статуи, клубов, сегодня еще мало даже останавливаются у отдельных деталей, но вчитываются в надписи, в кропотливо данные, в шрифты. Это общий, торжественный и по-праздничному несколько рассеянный взгляд; пройти и мимоходом дотронуться до своих замечательных тракторов и комбайнов, мимоходом кинуть своим красавцам-коровам, полизать запахом своих альпийских, своих огуриков, своих тыльчанов.

«По завтра, послезавтра начнутся будни. Выставка войдет в быт. В ней самой установится свой быт. Работа. И вот, уже сейчас чувствуется, что практическая сторона выставки, ее огромный внутренний, рабочий смысл станут еще грандиозней, щедрей думалось раньше».

Мих. Лоскутов

«ДЕЛЕГАТЫ ВЫСТАВКИ»

Она начинается залогом, очень залогом до Пушкинского, до той огромной территории, некогда бывшей пустырем, в бывшем Останкине, под Москвой.

Да еще даже раньше начинается она: в дальних поездках, везущих на выставку ко всем концам земли нашей делегатов. Делегаты выставки. Так и написано на одном из плакатов в центре Москвы, над садом «Эрмитажа»: «Привет делегатам Всесоюзной сельскохозяйственной выставки!».

Пока еще праздник... Третий день выставки и в аллеях — еще праздничная приподнятость, какая-то особая торжественность в лицах посетителей, в жесте миллионеров, белой перчаткой показывающего дорогу потокам автомобилей, в выражениях служащих — билетеров, распорядителей, экскурсоводов, в позах колхозников, стоящих у представляемых ими богатств.

Идут смотреть. И смотрят пока по-праздничному. Это скорее торжественное шествие; мимо дворцов, мимо машин, мимо телет, мимо необыкновенных петухов, мимо замечательных роз, мимо лисенокской ржи, мимо транспарантов, статуи, клубов, сегодня еще мало даже останавливаются у отдельных деталей, но вчитываются в надписи, в кропотливо данные, в шрифты.

«По завтра, послезавтра начнутся будни. Выставка войдет в быт. В ней самой установится свой быт. Работа. И вот, уже сейчас чувствуется, что практическая сторона выставки, ее огромный внутренний, рабочий смысл станут еще грандиозней, щедрей думалось раньше».

Идут смотреть. И смотрят пока по-праздничному. Это скорее торжественное шествие; мимо дворцов, мимо машин, мимо телет, мимо необыкновенных петухов, мимо замечательных роз, мимо лисенокской ржи, мимо транспарантов, статуи, клубов, сегодня еще мало даже останавливаются у отдельных деталей, но вчитываются в надписи, в кропотливо данные, в шрифты.

«По завтра, послезавтра начнутся будни. Выставка войдет в быт. В ней самой установится свой быт. Работа. И вот, уже сейчас чувствуется, что практическая сторона выставки, ее огромный внутренний, рабочий смысл станут еще грандиозней, щедрей думалось раньше».

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Самолет Коккинака преодолевает пространство между Москвой и Владивостоком в один сутки, но мы едем в поезде девять суток.

Мы ближе видим неожиданные живописные пейзажи Урала, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока. Мы запомним станции, поселки, реки, озера, тайги и сопки. Для одних суток такое количество пейзажей, пожалуй, было бы чрезмерно. На обратном пути эти пейзажи кажутся уже близкими и родными.

В сентябре мы застали золотую осень, густые красные и желтые желтые тона уральских лесов, сибирской тайги, дальневосточных сопек.

В июле нас окружают зеленые кудрявые кочки. На обратном пути мы встречаем бесконечные поезда переселенцев, едущих жить и трудиться на Дальний Восток. Мы обмениваемся приветствиями с будущими жителями прекрасного края.

Не знаю, есть ли где-либо еще на свете такие чуткие, горячие зрители, как на Дальнем Востоке. Дальневосточники — непосредственно-эмоциональные зрители, не терпящие никакой фальши и с особенной активностью участвующие в процессе спонсорского действия.

Они любят Востока Еремеева, как только можно любить своего собрата — героя с мужественной судьбой. Они аплодируют славному партизану красного Азербайджана Мир-Али. И несовершенная пьеса Н. Никитина «Амперская ночь» в атмосфере этого взволнованного сотворчества театра и зрителя кажется совсем другой, более значительной. Спектакль «Порт-Ар-

НА ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ

Сейчас чувствуется, что практическая сторона выставки, ее огромный внутренний, рабочий смысл станут еще грандиозней, щедрей думалось раньше.

Мне пришлось посмотреть выставку в дождь. Обыкновенный августовский, грозный, сильный и быстрый ливень; никто его не ожидал, да и на небо не смотрели; и без того было так посмотреть вокруг; небо на время осталось забытым, со всеми своими облаками, голубизнами, стихиями: люди смотрели на дело рук своих, величественный памятник человеческой работы. И вдруг небо напомнило о себе: загрохотало, нахмурилось, пошел сильный дождь.

Люди побежали укрываться в павильоны — в Волжский, в Казанский, в «Животноводства», в павильон «Механизация»; он очень удобен от дождя — вместительная железная арка, как в Киевском вокзале. Жались под карнизными киосками, смеялись, выжимали рубахи, бежали, срыв ботинки и засучив штаны, перешагивали через лужи; как обыкновенно люди ведут себя в дождь, шутя со стихиями. Стояли в павильоне вместе с коровами; коровы были какой-то особенной породы, этакие огромные сооружения кремового цвета, — принадлежали одному из лучших колхозов; они обрабатывали добрые свои моры к людям, мычали на дождь. Где-то воположились петухи, жались под валец кур, запахло деревней, полями, просторами, нашей родной страной. Флаги над крышами дворцов обвисли, с карнизов текла вода, широкие аллеи и проспекты выставки вдруг опустели, стали безлюдны; кто пересекал только мертвую эту картину дождя; он делал шумящий в ушах асфальта, брызгами соскакивал с плачущих листьев альпийских или еще каких-то деревьев.

И вдруг мы увидели странную группу, пересекавшую площадь: человек с суковатой, коровой наливкой в руках шел, стескивая; за ним шли еще люди. Все они были возбуждены чем-то, было похоже, что дождь их меньше всего интересовал; они его даже не замечали. Середний особенно заинтересовал всех. Он держал палку двумя пальцами и что-то на ней показывал изумленным жем.

Мы обратили внимание на эту группу — стоящие под навесами, в корзинках, под машинами. Группа же прошла мимо нас, тем же ровным шагом, ожесточенно-сосредоточенно жесткируя, не обращая ни на кого внимания. Очевидно, люди разрешили какой-то спор, — двенадцать сантиметров! — кричал человек с палкой, обворачивая и показывая заметки на палке своим спутникам. — Двенадцать сантиметров! Вот все, что мне и остальным удалось услышать. Все с уважением посмотрели на бородача.

Все поняли, что это — дело. Это началась бунт, работа, пришла в действие большая организующая, воспитывающая, взрывающаяся и поднимаящая сила, которая заложена в этой выставке; сила фактов, сила аргументов, сила правды; то, что называется социалистической системой хозяйства, торжеством труда, праздником освобожденного человека...

Дождь прошел, но с навеса еще падали капли. Все смотрели вслед спорящим людям. Они ушли на территорию полевых; тула, где стояли клубы, парники, деревья, необыкновенные цветы и посреди скульптура, лучшая скульптура на выставке, на мой взгляд, одно из лучших произведений советского искусства — фигура Мичурина; простой и великий человек, в пальто и фетровой шапке, стоял под дождем и задумчиво смотрел на яблоко, которое он держал в руках; человек, передевавший природу.

С. МАРГОЛИН

ИЗ ДНЕВНИКА РЕЖИССЕРА

Нередко превращается в демонстрацию зрителей, готовых обнять и прижать к сердцу бесстрашных русских солдат, героических участников обороны Порт-Артура. «Враги» Горького... Зрители беспредельно восхищаются мудрым юмором, человеческим достоинством старого рабочего Левшина, которого играют артисты В. Ванин и А. Санин.

На спектакле «Профессор Полежаев» Л. Рахманов не раз слышался по адресу трусового контрольного инспектора — ассистента Полежаева Воробьева — неозорительные и даже гневные возгласы. Наглядно Воробьева принимается как торжество и победа, а каждое появление матроса Куприянова вызывает оживленное одобрение. Возвращение Вочарова в квартиру профессора Полежаева в момент его кажущегося одиночества принимается гулом одобрения, переходит в овацию.

Все эти люди из разных пьес — Кондратенко, Горский, Полежаев и его верная спутница Мария Львовна, краснофлотец с «Авроры» Куприянов и молодой большевик Миша Вочаров делаются лучшими друзьями зрителей.

Впервые на Дальнем Востоке театр имени Моссовета показывает со сцены образы наших вождей Ленина и Сталина, образ героического маршала Буденного. Зрители пропоят Алексею Толстому недоработанность его пьесы «Путь к победе» и с затененным ликованием следят за развитием спонсорского действия. Артистам В. В. Ванину и Л. П. Луничу, взявшимся за сложную задачу спонсорского воплощения образов Ленина и Сталина, приходится пережить немало волнующих моментов. Зритель реагирует с трепетом, требующим тонкого и глубокого художественного ответа со стороны исполнителей.

Спектакли не могли быть поставлены на всех подгруппах и в отдельных частях, хотя передвигая труппа театра и ухитрялась играть даже в землянках.

Но уже не было такого пункта, куда бы не могли добраться концертные брига-

СМОТР ИСКУССТВА

Среди тех весьма внушительных по своим масштабам выставок, которыми ознаменовалась художественная жизнь страны за последние годы, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка занимает особое место.

«Двадцать лет РККА», «Индустрия социализма», «20 лет советской живописи», выставка художников Грузии — все эти выставки насчитывали сотни участников. Всесоюзная же сельскохозяйственная выставка заняла свыше двух тысяч архитекторов, живописцев, скульпторов, мастеров фрески, художников театра. Столпы союзных республик направили на выставку лучших своих мастеров, в том числе художников народного искусства, показавших работы, которые сами по себе достойны специальной выставки.

Можно с полным основанием считать, что для многих мастеров искусства работа на выставке явилась своего рода экзаменом на аттестат художественной зрелости.

В Главном павильоне, превращающемся в своеобразный художественный музей, перед нами возникает целая галерея образов такой выразительности, которая не часто достигалась нашими живописцами в прошлом. Колхозный народ — сильные, культурные, умеющие и работающие и веселые советские люди смотрят на зрителя с 15-метрового панно, написанного Бубновым, Галоненко и Шмарининым. Это панно можно считать большую популярность у зрителя. С большой силой изписал художник Пастов «Колхозный праздник». Тема праздника, кстати сказать, весьма удалась и двум другим большим мастерам нашей живописи — Погодану и Горелову (павильон «Москва»).

Два панно Соколова-Скала — «Взятие Зимнего» и «Речь В. И. Ленина у Финляндского вокзала» как бы раскрывают содержание Главного павильона. Среди лучших вещей, написанных мастерами старшего поколения, следует отметить также величественный триптих Савицкого («Бегалка», «Кавалерия», «Скачки»), вписанный в павильон «Животноводство», громадное панно, исполненное А. Герасимовым и Ф. Молодцовым с их бригадой и изображающее один из поворотных моментов в технике нашего земледелия — осмотр тракторов СТЗ руководителями партии и правительством, выразительный портрет Н. В. Пилипя, исполненный Ф. Молодцовым, картину Востригина «Выдача за трудодни» (Главный павильон).

Выставка включила и сотни более молодых художников, создавших яркие реалистические полотна. Таков, например, Романов, автор «Колхозного шпорора», вышедшего над входом в павильон Курской, Воронежской и Тамбовской областей, таковы Шенелюк и Бедриц, хорошо справившиеся с трудными темами «Селькоры у

ПОКАЗ КОЛХОЗНЫХ ТЕАТРОВ

В связи с открытием Всесоюзной сельскохозяйственной выставки Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР проводит смотр колхозно-совхозных театров. В этом смотре принимает участие около 300 колхозно-совхозных театров нашей страны. Сейчас на местах заканчивается смотр колхозно-совхозных театров, которые соревнуются между собой на почетное право показать свои спектакли в Москве. 15 августа в Центральном доме работ-

В. П. Ленина и «Селькоры у В. Сталина» («Павильон печати»).

Молодой ленинградский скульптор Томский дал на выставку талантливую скульптуру С. М. Кирова (перед павильоном «Северо-Восток»), скульптор В. Иванов создал прекрасный образ Чкалова (статуя в павильоне «Поволжье»), а Баландин исполнил великий ряд монументальных скульптур, которые надолго останутся в памяти посетителей (Чапаев — в павильоне «Поволжье», «Потрагания» — перед павильоном ДВК).

Броме молодых художников и скульпторов, с яркими произведениями выступают на выставке и младшее поколение архитекторов. Здесь уместно напомнить, что архитекторам приходилось разрешать задачи, в сущности, совершенно новые для нашей архитектуры. До них ведь никто не строил, никто не оформлял павильоны социалистического хлопководства или животноводства, никто никогда не воздвигал «Павильона зерна» или, скажем, «Павильона механизации». И, в частности, следует подчеркнуть блестящее разрешение этой последней задачи молодыми архитекторами Тарановым и Андреевым, созданными легкой, точно висящей в воздухе, серебристой павильон-аллией. Яркие, образные архитектурные решения нашло: для Сибири — архитектор Ершов, для Поволжья — арх. Знаменский, для Азербайджана — архитектор Усейнов и Дадашев, для Узбекистана — Подуланов.

Молодые архитекторы не уступают и уже ранее сложившимся, как Курдюкин, нашедший удачное решение для павильона Грузинской республики, как Ахатян, в простых и монументальных формах разрешивший Туркменский павильон, один из лучших на выставке.

Надо упомянуть и о другой категории художников, которые явились пионерами в области внутреннего оформления павильонов. Очень своеобразно и интересно внутреннее оформление Туркменского павильона (художник Дудкович), Дальневосточного (художники Був и Юрковский), Сибирского (художник Ладур). Во внутреннем оформлении приняли участие и старые мастера-оформители: Ахметьев, Платонов и Теслер — в Главном павильоне, Асладов — в «Обществе», Кашган — в «Животноводстве», Рублев — в «Зерне».

Научительная работа мастеров орнамента из национальных республик. Посетители выставки навсегда запомнят работы Юлдаша и Батырбекова, блестяще украсивших павильон Таджикистана, Шами Гафура, бригады резчиков по «стан-чю» (плоский гипс), открывшего Москве красоту туркменского орнамента, вышивальщицы Мешечек, бригады женской колхозной бригады, оформившей павильон Белоруссии. Поражает творческая самостоятельность белорусского колхозника Орлова, собравшего из 185 тысяч кусочков дерева стол, причудливый им в подарок товарищу Сталину.

С. МАРГОЛИН

Наиболее излюбленная форма самодельности — ансамбль песни и пляски. Здесь явно влияние красноармейского ансамбля, руководимого профессором Александровым. Но в самодельных ансамблях свои особенности. В большинстве случаев она исполняет монтаж из песен и текстов, посвященных событиям на озере Хасан. Монтаж заканчивается коллективным плясом, в который пускаются даже не прекращающие своей игры баянисты. Коллективный пляс сопровождается метелью, жезлообразными, остроумными частушками. Ансамбль, руководимый женой командира Булаева, представляет собой своеобразный народный джаз. Булаева и дрижирует, и поет, и танцует.

Во время одной из бесед о социалистическом реализме на курсах клубных работников Второй Отдельной краснознаменной армии был поставлен вопрос о необходимости немедленного отражения в искусстве наиболее содержательных и важных событий нашего времени. Участвовавший в обсуждении вопроса никак не удовлетворяла отговорка о так называемой «дистанции времени», в течение которой художник должен творчески осмыслить событие и найти для него художественные образы. Чем крупнее и острее событие, тем скорее оно должно найти достойный отклик в искусстве, — на этом настаивала аудитория. К подобным требованиям следует прислушаться. Красноармейская самодельность создала множество чистух и песен, инсценировки и маленькие пьесы о героических делах и днях на озере Хасан, Красноармейская и краснофлотская самодельность торчит художников-мастеров поскорее откликнуться на то, что уже пылает, как умеет, отразить самодельностью.

Если задуматься над тем, что же является самым радостным для художников и артистов, преобладающих работ на Дальний Восток, то придется ответить одним словом. Самым радостным, самым изумительным является мажорность в культуре, в знании, в искусству, мажорность, выражающая психологию новых людей социалистической страны, защитников наших дальневосточных границ.

Временами кажется, что артисты и зрители меняются ролями. Артисты окупают себя красноармейскими и краснофлотскими. Их искусство вооружает, усиливает боевой дух. А зрители утверждают себя как художники. На олимпиаде красноармейской самодельности артисты усваиваются в зрительном зале, а недавние зрители перебираются на сцену. Среди них баянисты, гитаристы, балалаечники, домристы, скрипачи, pianисты, исполняющие сложнейшие классические произведения Бетховена, Листа, Моцарта. Среди них блестящие плясуны, гибкие и ловкие акробаты, жонглеры, вокалисты, тещи, выразительно передающие поэмы Маяковского, монологи на пушкинских пьесах, рассказы Горького.

Временами кажется, что артисты и зрители меняются ролями. Артисты окупают себя красноармейскими и краснофлотскими. Их искусство вооружает, усиливает боевой дух. А зрители утверждают себя как художники. На олимпиаде красноармейской самодельности артисты усваиваются в зрительном зале, а недавние зрители перебираются на сцену. Среди них баянисты, гитаристы, балалаечники, домристы, скрипачи, pianисты, исполняющие сложнейшие классические произведения Бетховена, Листа, Моцарта. Среди них блестящие плясуны, гибкие и ловкие акробаты, жонглеры, вокалисты, тещи, выразительно передающие поэмы Маяковского, монологи на пушкинских пьесах, рассказы Горького.

Временами кажется, что артисты и зрители меняются ролями. Артисты окупают себя красноармейскими и краснофлотскими. Их искусство вооружает, усиливает боевой дух. А зрители утверждают себя как художники. На олимпиаде красноармейской самодельности артисты усваиваются в зрительном зале, а недавние зрители перебираются на сцену. Среди них баянисты, гитаристы, балалаечники, домристы, скрипачи, pianисты, исполняющие сложнейшие классические произведения Бетховена, Листа, Моцарта. Среди них блестящие плясуны, гибкие и ловкие акробаты, жонглеры, вокалисты, тещи, выразительно передающие поэмы Маяковского, монологи на пушкинских пьесах, рассказы Горького.

Временами кажется, что артисты и зрители меняются ролями. Артисты окупают себя красноармейскими и краснофлотскими. Их искусство вооружает, усиливает боевой дух. А зрители утверждают себя как художники. На олимпиаде красноармейской самодельности артисты усваиваются в зрительном зале, а недавние зрители перебираются на сцену. Среди них баянисты, гитаристы, балалаечники, домристы, скрипачи, pianисты, исполняющие сложнейшие классические произведения Бетховена, Листа, Моцарта. Среди них блестящие плясуны, гибкие и ловкие акробаты, жонглеры, вокалисты, тещи, выразительно передающие поэмы Маяковского, монологи на пушкинских пьесах, рассказы Горького.

Временами кажется, что артисты и зрители меняются ролями. Артисты окупают себя красноармейскими и краснофлотскими. Их искусство вооружает, усиливает боевой дух. А зрители утверждают себя как художники. На олимпиаде красноармейской самодельности артисты усваиваются в зрительном зале, а недавние зрители перебираются на сцену. Среди них баянисты, гитаристы, балалаечники, домристы, скрипачи, pianисты, исполняющие сложнейшие классические произведения Бетховена, Листа, Моцарта. Среди них блестящие плясуны, гибкие и ловкие акробаты, жонглеры, вокалисты, тещи, выразительно передающие поэмы Маяковского, монологи на пушкинских пьесах, рассказы Горького.

ЗАВТРА ГОДОВЩИНА РАЗГРОМА ЯПОНСКОЙ ВОЕНЩИНЫ У ОЗЕРА ХАСАН

★
К. ТРУФАНОВ
Полковник
★

Ударом на удар

Я перечитываю наши военные, оборонные книги. Читаю повести, рассказы и романы о будущей последней войне, о первом встречном ударе воюющих армий, о грозной, великой Красной Армии, о ее людях. И я часто задаю себе вопрос: так ли пишут некоторые наши писатели? Такой ли будет будущая война, так ли пойдет в бой великая армия большевиков?

Перечитываю я и старые книги. Книги о великих исторических битвах, о столетиях, решавших участь армий и народов. Толстой мне рассказывает о Бородине, Стендаль — о Ватерлоо.

Это рассказ о прошедших войнах. Может быть, о будущей войне труднее писать. Не знаю. Но я, командир армии, единственный в мире, верю Толстому и Стендалю. О войне они говорили правдиво и со знанием дела. Может быть, потому, что оба они знали войну и видели близко кровь и смерть. Апри Бейль прошел с наполеоновской армией большой и трагический путь до Москвы и обратно до Парижа. Толстой был в Севастополе. Он видел то, о чем писал позднее.

Нельзя, конечно, отнести все в художественной военной литературе за счет личного опыта авторов. Толстой видел француз под Севастополем и еще не родился, когда они стояли под Бородином.

Но, очевидно, огромную роль в правдивом, художественном изображении войны, сражений, воюющего народа играют, кроме личного таланта писателя, еще и знание военной истории и военного дела.

Сравнительно небольшой военный эпизод — бой у озера Хасан — был в жизни гораздо сложнее, чем огромное сражение разбитых армий в романе Павленко «На Востоке». Сильнее было сопротивление, больше было героизма, больше сложных положений, больше жертв и неизмеримо больше героев.

Трудно сейчас представить себе во всем многообразии картину хасанского боя. Как это было?

По сопкам гулял порывистый ветер. Из-за реки Тумень-Ула, оттуда, где копчаётся советская земля, временами доносились стук колес, ржанье лошадей и короткое гортанное выкрики. Все это настораживало. Японцы не очень уж скрывали подготовку своего нападения. Удар был рассчитан на захват высоты Заозерной, высот Пулеметной и Безмяной. Захватив эти командные пункты, японцы рассчитывали держать под своим наблюдением и огнем большую часть нашей территории, вплоть до бухты Посета и Владивостока.

29 июля рота японских самураев внезапно атаковала высоту Безмяную. Отвечая советскими пограничниками достойно встретили непрошенных гостей.

Один против двадцати. Такова была первая схватка. Тяжело раненные бойцы не бросали оружия и не уходили из строя. Снайпер-красноармеец т. Вигус метким пулеметным огнем буквально скрывал врага. Но под прикрытиями японцы подошли вплотную. Надо было менять место. В это время пулеметчик увидел тяжело раненого товарища. Он перенес его, укрыв и снова лег у пулемета. Раненный пулеметчик Кобиков, доставленный в госпиталь, прежде всего спросил:

— Цел ли мой пулемет?

В район боя прибыл резерв пограничников. Коротким штыковым ударом японцы были отброшены с Безмяной, но перед самым рассветом 31 июля, в тумане, началось новое японское наступление. Атака велась сразу на две высоты, на Безмяную и Заозерную. В бой были введены крупные силы. Два пехотных полка 19-й японской дивизии, поддержанные сильными артиллерийским огнем, в течение двух дней — 31 июля и 1 августа — дрались с небольшими отрядами советских

пограничников. Пограничникам пришлось отойти, японцы захватили высоты, но 2 августа к месту боя уже подошли части 1-й Отдельной Краснознаменной армии. Обходя озеро Хасан с севера и юга, преодолевая топкие болота, наши части продвигались вперед. С обеих сторон заговорили орудия.

Каждый шаг надо было брать с боя. Японцы, захватив к этому времени уже три командные высоты, опутали их проволокой и, стравив все огневые средства 19-й пехотной дивизии на участок в 3½ — 4 километра, создали плотный перекрестный огонь. Перед японцами наступления наших частей лежало озеро Хасан с прилегающими к нему топкими болотами. Пехота под огнем японцев пришлось подниматься на крутые каменные сопки, поросшие густой травой. И все-таки великая пехота большевиков шла вперед. Ей было идти гораздо труднее, чем об этом иногда пишут.

Прошедшие дожди размывали дороги, ручьи превратились в бурные и трудно проходимые реки, сухая земля превратилась в болото, небольшие болота становились озерами.

4 и 5 августа бой достиг наивысшего напряжения. Пехота сосредоточилась для атаки перед передним краем обороны противника. Дни и ночи шли беспрерывно, часто ружейные схватки. Но это были еще атаки небольших групп, это еще не было наступление Красной Армии.

6 августа бой завязался с раннего утра. Наш левый фланг выдвинулся вперед и занял сопку Пулеметную. Сильный огневой бой шел по направлению высот Безмяная и Заозерная. Японцы, создав на высотах пулеметные редуты, не решались больше бросаться в атаку, ограничиваясь огневым боем.

Из-за реки Тумень-Ула и горы Черной, из расположения японских батарей пришел первый снаряд. Через минуту второй, третий. Над сопками, недалеко от наших головных колонн, повисли клубки шрапнельных разрывов.

Японцы усилили огонь. С разных направлений в них работало семь батарей. Наша артиллерия вступила в бой, и командующий т. Штерн отдал приказ:

— Поднять стальных соколов и поглотить артиллерию самураев!

Через 20 минут небо уже содрогалось от мощного гула моторов.

Первыми прошли истребители. За ними, набрав боевую высоту, в строю полетом шли наши тяжелые бомбардировщики.

На артиллерийские позиции японцев были слышны «гостинцы». Вздрогнули сопки, вздыбился олень Хасана, кверху поднялись серые тучи дыма.

— Вот это дело, — говорили между собой бойцы, — половину горы сверху, вот это пахари.

После первого же залета артиллерия самураев убавила свой пыл. Стрельба пошла вразнобой.

Пехота большевиков приблизилась к проволоке и приступила к прокладке проходов. Артиллерия японцев открыла убийственный огонь. Для подавления артиллерии вновь была поднята авиация. Штурмовать передний край наша авиация уже не могла. Наши войска подошли вплотную к врагу, а местами уже занимали окопы японцев. Поэтому штурмовики и истребители прошли по вторым эшелонам и тылам японцев.

К вечеру на сопке Заозерной поднялось и победно затрепетало по ветру красное знамя, символ неприступности великого Союза Советов.

Два пехотных полка и огневые средства всей дивизии были оставлены японцами на поле боя, до 8 тыс. самураев уничтожено советскими патриотами. Таковы итоги Хасана.

На поле боя из уст передавали о героических подвигах бойцов и командиров. Сотни доселе неизвестных, скромных имен становились символом героизма, отваги и мужества.

Командир роты лейтенант т. Левченко, ныне Герой Советского Союза, будучи в первых боях трижды ранен, не вышел из строя и с группой храбрецов продолжал уничтожать японцев.

Пулеметчик т. Гольянов, когда японцы окружили небольшую группу нашей пехоты и перешли в атаку, полусуи самураев на 15 метров, поднялся во весь рост и с руки в упор расстрелял до двух взводов японцев.

А комиссар Пожарский! Этот железный большевик, сочетавший в себе качества товарища, друга и брата и в то же время непоколебимого волевого начальника. Часть, которую вел в бой Пожарский, атаковала сопку Пулеметную. В решительную минуту, когда часть достигла окопов противника и навстречу атакующим поднялись японцы, Пожарский, выдвинувшись вперед, воскликнул:

— За Сталина! За Родину! Вперед!

Этот лозунг мощным призывом прогмал по всей линии фронта. Взрывы гранат прорезало мощное красноармейское «ура». Японцы бежали, оставив на поле боя множество трупов.

А вот запись отважного пулеметчика А. Е. Ширманова, погибшего смертью героя. «Я буду воевать, — пишет он, — до конца, насколько моей силы хватит, но врагу не уступлю. Со своим героическим пулеметом отступать не буду от советского рубежа, и японцы не увернутся из-под моего пулемета...»

Взглянем в дневники самураев и проследим, как менялись настроения этих «райских душ».

Один воинственно настроенный унтер до начала боя записал:

«Сегодня ночью или завтра я буду направлен в П. — место для наступления. Объектом наступления является Дальневосточная армия Советского Союза. Эта армия очень отличается от китайской армии. Решительный бой между Японией и Россией стал перед глазами, т. е. становится неизбежным.

На этот раз я полон ответственности перед этим важным боем с Советским Союзом...»

Так он записал 27 июля, а после того, как красные бойцы три дня подвергали самураев в спиритических рубашках, 2 августа этот же унтер записал следующее: «В этот день было что-то ужасное, беспрерывно рвались бомбы, мы то и дело перебегали из окопа в окоп. Полтора суток ничего не ели, да и думать об еде некогда было, бо продолжалась, удалось поест только огурцов и запить мутной водой. День был солнечный, но среди дня не было видно солнца, настроение было подавленное, все чувствовали себя отвергательно.

Нет, так воевать невозможно. Я не думаю, что вернусь на родину...»

Пермирие. Я поднялся на вершину Заозерную, к скале, на которой победно высились красный флаг, пробитый вражескими снарядами. Он был восстановлен здесь самоотверженными бойцами при руководством стойкого большевика, главного Героя Советского Союза — секретаря партийного бюро Машляка.

В 200 метрах от Заозерной на сопке Черной, согнувшись, как мокрые суслики, выгнанные дождем из своих нор, повернувшись к ветру спины, стояли солдаты японской армии.

Рис. М. Абрамовича

ВОДОБОЯЗНЬ

— Почему наш генерал закрыл глаза?
— При виде воды ему делается плохо: он вспоминает некое озеро...

А. СЕНАТОВ
Герой Советского Союза, комбриг

СОВЕТСКИЕ ЛЕТЧИКИ В ХАСАНСКИХ БОЯХ

Советскими летчиками, гордыми сталинскими соколами, по праву гордится наш великий народ. В их героических подвигах ярко выражены характернейшие черты великого советского народа.

За поразительно короткий исторический срок под руководством партии Ленина — Сталина советский народ сделал свою страну могучей авиационной державой.

Десятки мировых авиационных рекордов принадлежат нашей стране, нашим советским летчикам. Имена Серова, Шевченко, Душкина, Рычагова, Благоевского и многих других героев Советского Союза знает весь мир. Перед бесстрашными и героическими подвигами сталинских соколов преклоняется все честное и прогрессивное человечество.

Наша страна — могучая воздушная держава. Наш народ отчетливо понимает, что «то, кто силен в воздухе, тот в наше время вообще силен» (Ворошилов).

И враг не застанет нас врасплох. Воздушные границы Советского Союза и на суше и в море — на крепком сталинском замке. В этом сумели в достаточной мере убедиться подлые японские провокаторы, когда они осмелились переступить своим грязным сапогом нашу советскую границу.

В боях в районе озера Хасан участвовала лишь небольшая часть военно-воздушных сил Первой Отдельной Краснознаменной Армии, но действия этой небольшой части нашей авиации явились грозным предостережением всем тем, кто вынашивает подлые планы нападения на свободный советский народ.

О действиях нашей авиации в день ге-

неральной атаки советских войск на сопку Заозерную лучше всего рассказывают бойцы и командиры наземных войск. Приведем несколько выдержек из их рассказов. Вот что пишет бригадный комиссар тов. Иванченко:

«Безмянные сопки севернее Заозерной до бомбежки представляли собой круглые, покрытые зеленью, укрепленные, неприступные для пехоты высоты, с которых японцы обстреливали наши сопки, сами оставаясь укрытыми. Японцы держали все подступы под убийственным пулеметным, гранатометным и минометным огнем. Просим помощи авиации. Сюда час-полтора эти сопки превращаются в море воронок; трава, кустарники смешиваются с землей. Там, откуда час назад велась бензиновый огонь, валются разбитые остатки пулеметов, противотанковых пушек, минометов, слышатся оклики раненых японцев, валяющихся трупы, искорканные каски, разорванные бронежилеты, гимнастерки, шинели, противогазы, котелки».

Еще красочнее описывает действия нашей авиации красноармеец тов. Антипов: «Был ясный, солнечный день, на горизонте одиноко бродили стайки белых облаков. Яркое солнце неслышно падало. Ласкин посмотрел на часы: 15-00.

— Самолеты! — крикнул кто-то. Все обернулось. Из-за сопки показалось звено самолетов, затем вынырнули еще два, потом...»

Появление каждого нового звена сопровождалось возгласами восторга. Кто-то попробовал сосчитать самолеты: — Двадцать, тридцать... еще девять... еще...

Грозная туча самолетов, не знающая преград, уверенно приближалась к врагу. Гул канонады дополнился гулом моторов. Он все усиливался, восхитил бойцов, вселяя бодрость и уверенность в победу.

— Ну, самурай, держитесь! — воскликнул молодой лейтенант и, обращаясь к Ласкину, добавил: — Ну, и красота! Ласкин улыбнулся. Ему было понятно чувство своего соседа: и сам он испытывал гордость за силу советской техники, когда смотрел на огромные бомбовозы.

Самолеты приближались к озеру Хасан. Первые из них уже летели над окопами противника.

На голубизне жаркого неба появилось белое облачко взрыва, за ним другое, третье... Но самолетам была зенитная артиллерия самураев. Но взрывы были слишком низки.

И вдруг воздух дрогнул. Послышался глухой и мощный рокот взрывов.

Огромные столбы дыма и земли возникли один за другим по всей линии окопов самураев. Огромное темное облако совсем поглотило сопку. Новые взрывы авиабомб на мгн вздымали вверх дымные фонтаны, которые затем растворялись в черном облаке».

В памятные дни хасанских боев весь лето-технический состав жил одним стремлением — наголову разбить зарвавшихся самураев. Героизм проявлялся на каждом шагу. Летчики, штурманы, техники, воздушные стрелки, оружейники, что бы они ни делали, какую бы работу ни выполняли, старались сделать ее как можно лучше и быстрее.

Часть, которой командует тов. Жуков,

в боях 6 августа прекрасно выполнила свою задачу. Замечательное мастерство проявили командиры части тов. Жуков, летчики Фенегонов, Артемов, Шибанев, Воробьев, Чеботов, Помазков и многие другие. Технический состав части работал безукоризненно. Самолеты все время находились в боевой готовности. Буквально через 10 минут после боя все повреждения от зенитного огня японских батарей устранились. Был случай, когда на одном из самолетов нужно было сменить мотор. Обычно, в мирной обстановке, на выполнение этой работы требуются часы, а в боевой обстановке мотор был заменен за 40 минут.

Над подготовкой материальной части самолетов к выполнению боевого задания много пришлось поработать техническому составу. Особенно в этой работе выдвинулся член ВКП(б) инженер Романкин. Он сумел побывать всюду, где готовилась материальная часть к вылету. Тов. Романкин инструктировал и проверял работу инженеров подразделений, он держал самую тесную связь с мастерами и складами, обеспечивая своевременность снабжения технического состава всем необходимым имуществом высокого качества. Под его руководством хорошие образцы работы показали инженеры подразделений и техники. Например, техник тов. Зриванов в течение 8 часов сяд и снова смонтировал на самолете 2 мотора. За весь период боевых операций его материальная часть работала безотказно.

В трудных условиях приходилось действовать подразделению капитана тов. Мозгового. Его подразделение выполняло боевую работу, находясь на большом расстоянии от своей постоянной базы. На помощь ему пришли корабли, управляемые летчиками-большевиками Коростенем, Клиновым, Карнаузовым и другими, которые снабжали подразделение тов. Мозгового всем необходимым имуществом и боеприпасами.

Комиссар части старший лейтенант тов. Бомкин, в отсутствие командира части, вместе с начальником штаба четко организовал выпуск и прием самолетов.

Мне хорошо запомнилась такой эпизод: командиры эскадрильи тов. Протопопов дали задание разведать железную дорогу, связывающую японскую границу с тылом. Тов. Протопопов вместе с комиссаром-летчиком тов. Зой и летчиком тов. Омельченко прекрасно выполняли задание. Густые облака, сгустившись до 200 метров, затрудняли выполнение боевой задачи, но это не служило летчикам препятствием. Они уверенно шли намеченным курсом. На станции заметили эшелон с японским подкреплением. Шаровое только что отцепили. По сигналу командиры эскадрильи летчики атаковали паровоз. Пути по короткой очереди. Из расстрелянного паровоза повалил клубом пар. Двери вагонов распахнулись. Из них, как горох, посыпались в панике самураи. По от спящего дождя советских летчиков им уйти не удалось.

За время боев летчики эскадрильи Протопопова показали исключительное летное мастерство, образцово выполняли все боевые задачи. Здесь было быстро найден способ выхода из-под зенитного огня противника путем маневра — сокращение скорости и изменение направлений. В результате умелого использования маневров все боевые задания были выполнены без единой потери в летном составе и без повреждения материальной части.

Можно привести еще десятки примеров, когда сталинские соколы военно-воздушных сил нашей армии показали героизм, отвагу, мастерство владения самолетом. Их заслуги в разгроме японских самураев были оценены советское правительство, наградив сотни летчиков, техников, штурманов, воздушных стрелков орденами и медалями.

Сейчас японская военщина снова предприняла попытку стянуть Советский Союз

★
С. БАМБУРОВ
Герой Советского Союза
★

Создайте книги о патриотах!

Сегодня мне хочется вспомнить то, что было ровно год тому назад у Хасана, в ту ночь, о которой я буду помнить, пока буду жить.

Ночью 6 августа 1938 г. я получил приказ выйти на высоту 588,3. Я взял четырех крепких бойцов и пулемет. Мы вышли. Мрак дальневосточной ночи черной густой пеленой закрывал все вокруг. Сильный дождь заглушал звуки и шорохи. Мы поднялись на высоту и притянулись в тревожном ожидании...

Ровно в два часа ночи ракеты ярко осветили мрак, тут мы увидели в траве блестящие каски. К сопке, как куча черной, подползали японцы. Их было много! Полторы сотни японцев, полыхавших, бежали с криками «Банзай!» на пять красноармейцев.

Я скомандовал товарищам: — Тарасенков и Матасов! На защиту северного ската. — Панков и Желябовский! На защиту южного ската.

Бойцы разделились и ушли. Я остался один на вершине сопки с рутинным пулеметом. Японцы приближались... Я оттянул рукоятку, нажал на спусковой курок и, вышвырнув диск в японцев, оставил на месте груды вражеских тел.

В это время я увидел, как на северном скате окруженные группой японцев Матасов и Тарасенков гибнут героической смертью. Японцы стали окружать меня с севера. Я посмотрел на юг. Панков и Желябовский гранатами и штыками мужественно вели бой с десятками японцев. Но наконец упали, тяжело раненные.

Японцы стали заходить также с юга. Враги окружили меня плотным кольцом.

Я, стоя посередине, начал кругом вращать пулемет и косить врагов. Но их было много! На меня лезли все время новые банни. Я выпустил все три диска, которые были в пулемете. Рядом на земле остался один запасной. Для того, чтобы зарядить мой пулемет, надо на секунду нагнуться... А это означало — тотчас же погибнуть...

Видя, что я безоружен, японцы навалились грудой вплотную. Что делать?

«Самурай просчитались»

К годовщине боев у озера Хасан Государственное издательство «Художественная литература» выпускает литературно-художественный сборник «Самурай просчитались», посвященный борьбе о японской военщиной, начиная с годов гражданской войны и кончая хасанскими событиями.

Сборник, имеющий пять больших разделов: «Интервенция», «Арииды Востока», «Шпионы и диверсанты», «Дальний Восток есть и будет советским», «Герои Хасана», открывается статьей Алек. Лормера «Японский империализм в горячке».

В сборнике помещены рассказы, стихи, песни, отрывки из романов и повестей, документы и очерки, повествующие об отважной борьбе о японскими захватчиками и показывающие галерею защитников нашей родины — от Сергея Лаза до героев боев у озера Хасан.

Я взял в руки свой верный пулемет, и, как тяжелой чуждой палкой, стал бить им валавших.

От сильного удара по черепу одного из японцев сломалась шейка ручного пулемета. Погибло мое оружие. Я за гранату! Рванул кольцо и метнул снаряд в плотную стену окруживших меня врагов.

Взрыв, замешательство, крики! Я вырвался из вражеского окружения, метнул вслед еще одну гранату, выхватил у японца винтовку с килжальным штыком и с криком «ура!» пошел в штыковой бой.

Взгуд слышу крики: «Да здравствует товарищ Сталин!» Вижу родные лица. Спешившись с коней, бегут ко мне вперед всех Фейя Фитанов. Валя Ягудин, Алеша Борпов, Володя Весовский, Коля Васильев и веселый наш татарин Зайнулла. Они услышали в темноте мой крик «ура!» и полосели на выручку. Бойцов двадцать победола, да моя стрелковая рота подошла. Тут уж мы показали японцам, что значит дуть на советские сопки!

Ночь прошла. Наступил сельский час утра. Солнце вошло над сопкой, ошаченной от врага. И тут только я почувствовал, что у меня на всем теле раны. Грудь, спина, поясница, руки — все изранено!

Меня увезли в госпиталь, а отцу в село Ворошилово дали телеграмму. Вскоре ко мне приехал младший брат — танкист Григорий. Когда Гриша приехал, мы вместе с ним перед всеми бойцами и комиссаром Сахаровым дали торжественную клятву: — всю жизнь, до последней капли крови, отдадим родине.

Сейчас я учусь в военно-политической академии им. Ленина. День проходит среди книг. Они стали моими самыми близкими друзьями, с которыми я расстаюсь лишь на ночь. С головой ушел в изучение литературы.

Какие потрясающие слова может найти советский писатель для того, чтобы повести миру о героизме наших бойцов! Ведь то, что я рассказал, могут рассказать тысячи других участников Хасана.

И об этих победах, которые одержаны нами год тому назад у Хасана, одерживаются сейчас в Монголии и будут одержаны в будущих боях, писатели должны писать страстные, волнующие книги.

САМУРАЙ ПРОСЧИТАЛИСЬ

«ЛЮДИ ИЗ ЗАХОЛУСТЬЯ»

Роман А. Г. Малышкина «Люди из захолустья» вводит нас в атмосферу «года великого перелома»...

А. Г. МАЛЫШКИН К первой годовщине его смерти

Точность художника-историка, стремящегося к героическому эпосу, всегда сочеталась у Малышкина с лирикой...

О познавательной ценности «Людей из захолустья» можно писать особо. Сейчас хочется вспомнить о страстной лирической теме...

Такие главы романа, как «Счастье» и «Песня», принадлежат к числу лучших страниц советской литературы...

«Мы были бедные, мы происходили из курносого, застенчивого простонародья, и я был первый в нашем роду...

Автор декларирует свое кровное родство со своими героями; тем самым он говорит читателю, что речь идет о его личной судьбе...

Иван Журкин — тонкий мастер, старейший краснодеревщик, перебивший от отца и мастерство, и ремесло гребовщика...

Но, как и отец его, Журкин воплощал мечту в образе своей лавки. И, однако, мечта вовсе не сводилась только к собственничеству...

Облачное, влекущее, чего еще не знавалось в жизни. «Яркий камень, перехватив по-яничу руку, словно летел на докладе...

«Богачи-кулаки, разна сволочь. Расхищали тяжелый твой труд». Получился бунт, появились стражники...

Многие романы и поэмы о социалистическом строительстве остаются нередко грамматным, добросовестным, по холодным рассказом...

Особенно музыкальна в романе глава «Песня». Она переключается с главы «Счастье» в «Песню»...

Страницы из главы «Песня», в которой изображается, как шагал Журкин «за горами, за долами»...

И другая причина овладения «тайной радостью» в его произведениях состоит в бесполой правдивости Малышкина-художника...

Там, за горами гори, Сочинный край непочатый... Горы гора — таким оставался бы жизненный пейзаж...

Напряженность, полиликая трудность борьбы делают завоеванное счастье таким весомым, поэтически осязаемым...

Тихая, которой, по дороге в Красногорск, дожидался с тарелок в вокзальных буфетах остаток пищи...

И за Погопригорой открывалось покоем, как участие в коллективном труде наполняет его торжеством и счастьем.

Мы радуемся высокой оценке, которую дал «Люди из захолустья» тов. И. В. Сталин...

Мы радуемся тому, что широкие массы читателей давно оценили его выдающийся талант, — книги Малышкина читаются и будут с неослабным интересом читаться нашими новыми советскими читателями.

Мы надеемся, что Гослитиздат потруится выпустить в свет подготовленное к печати трехтомное собрание сочинений этого выдающегося мастера советской литературы.

Мы надеемся, что Гослитиздат потруится выпустить в свет подготовленное к печати трехтомное собрание сочинений этого выдающегося мастера советской литературы.

Мы надеемся, что Гослитиздат потруится выпустить в свет подготовленное к печати трехтомное собрание сочинений этого выдающегося мастера советской литературы.

Мы надеемся, что Гослитиздат потруится выпустить в свет подготовленное к печати трехтомное собрание сочинений этого выдающегося мастера советской литературы.

Мы надеемся, что Гослитиздат потруится выпустить в свет подготовленное к печати трехтомное собрание сочинений этого выдающегося мастера советской литературы.

Мы надеемся, что Гослитиздат потруится выпустить в свет подготовленное к печати трехтомное собрание сочинений этого выдающегося мастера советской литературы.

Мы надеемся, что Гослитиздат потруится выпустить в свет подготовленное к печати трехтомное собрание сочинений этого выдающегося мастера советской литературы.

Мы надеемся, что Гослитиздат потруится выпустить в свет подготовленное к печати трехтомное собрание сочинений этого выдающегося мастера советской литературы.

Мы надеемся, что Гослитиздат потруится выпустить в свет подготовленное к печати трехтомное собрание сочинений этого выдающегося мастера советской литературы.

село, молодежь хочет танцевать, и он прет... ту-степ, который сам когда-то, в молодости, оттачивал в Мшанске с девушками.

Этот эпизод с «внешней» песней художественно совершенен. Новая песня рождалась в Журкине, а слов для нее нет, но мы все-таки слышим не только ту-степ, а и мелодию этой новой песни.

Против Журкина и Тинки — вся буржуазная, кулацкая, хищническая стихия. Образ цепкого хищника Петра Соустини с его звериной хваткой, этого базарного волка, может равняться в смысле изобразительной силы с наиболее яркими образами кулаков, живоготов, лачоников, паровозных классической русской литературы.

В изображении кулацко-спекулянтского пополья, орудуемого в Красногорске, даны два художественных плана, две плоскости: с одной стороны, показано, что враги — реальная и опасная сила; с другой стороны очень тонко раскрывается, что это — «не действительная действительность», что, с точки зрения исторической перспективы, это лишь «видимость»...

Призрачность их мечтаний, обреченность всего строя жизни, который они пытаются возродить, выражена в романе посредством таких художественных приемов, которые создают впечатление сна: как бы и в самой жизни развертывается «действительность» спекулянтских пауков, и вместе с тем не такое все, как было когда-то в далеком, ушедшем в прошлое, базарном Мшанске с его крупными и мелкими хищниками...

Этот Мшанск встает в кулацких мечтаниях откуда-то из-под земли, звучит «шюйничим звоном»...

Переменялись исторические роли, переместились силы. Для Тинки, Журкиных «сон о счастье» превратился в явь, и самое счастье оказалось неизмеримо шире и глубже, чем мечталось.

«Люди из захолустья» — произведение большого охвата. Это подлинный социальный роман. Малышкин вложил в него громадный материал: столица в «год великого перелома», жизнь большой центральной газеты, огромная новостройка; деревня в период коллективизации и ликвидации кулацкой собственности...

Наша жизнь страшнее ада. Твой отец не знал отравы, Весь он изнемок. Спи, сынок.

Станешь старше — ожидает И тебя судьба такая... Для меня мужай! А-л-л-лай!

Из простой королевской кожи Ты б арчица сделала тоже, Стай бы голодать... Время спать!

Ты б дрова таскал, усталый, И бы вышла и сказала: «Мать всегда с тобой, Ясный мой!»

А умру, забудь про горе, Ты любви родные горы, Их не покидай. А-л-л-лай!

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

КАК МЫ ПЕРЕВОДИЛИ

К. ХЕТАГУРОВА

Любовь к своему народу, сочувствие обезленившимся, протест против беспорядка — этими чувствами проникнуто все творчество великого осетинского поэта Коста Хетагурова.

Для выражения своих чувств он привлекает самые разнообразные поэтические формы и жанры (лирические стихотворения, басня, поэма, песня).

Характерно, что даже в своих стихах для детей он остается верен себе: внешне наивная форма и глубокое социальное содержание («Капризное дитя», «А-л-л-лай»).

С формальной стороны стихи Хетагурова также представляют большой интерес. Осетинской поэзии свойственно тоническое стихосложение. На первый взгляд, это как будто упрощает задачу перевода на русский язык, но на деле возникает ряд трудностей. В стихах Хетагурова часто встречаются строки, состоящие из коротких односложных слов, например: «Ма меме дур». Эта же строка в точном переводе выглядит так: «Не разговаривай со мною».

Задача состоит в том, чтобы, передавая смысл, не нарушить трехсложного размера строки. Такого же рода затруднения, к примеру, возникают при переводе английских поэтов.

Каждый из нас в своей работе придерживался одного принципа — воссоздать ритм подлинника, строфику, характер рифмовки, сохранив при этом содержание и образную ткань стихотворения. Нам хочется привести несколько примеров лабораторной работы. Это, может

Из поэтической практики

Быть, не ново для литераторов, но, возможно, это будет интересно читателю. Вот подстрочный перевод первой строфы стихотворения Хетагурова «О, если бы!»

Много магих лучей ткет сердце. Дай-ка ему волю! Много бедняку хочется Инога.

Приводим транскрипцию этой строфы: Вира фемен тенте зерде шиванды Бар-ма йнп-аатт. Бире пидерт мегулары фенеды Пуз-ну-хатт.

И, наконец, поэтический перевод: Только волю дай! А порой у бедняка — таких Мечтаний Непочатый край. (Перев. С. Олендера)

Возможно еще большее приближение к оригиналу, но переводчик удовлетворен тем, что ему удалось сохранить основную мысль и ритм четверостишия.

Другой пример из стихотворения «Забота». В подстрочнике: Подерживающему во мне жизнь Да не будет покоя. Пусть родная оплачет Мой смерть (мой прах)!

О, если бы!

Пить за нитью сердце ткет желаний ткань. Только волю дай! А порой у бедняка таких мечтаний Непочатый край.

Если бы и я, — твердит бедняк, — по праву мог пойти вперед, Как и мой народ! Если б сердце горячее возновилось За чужую кровь!

Если б лучшим благом мира мне казалась Ты одна, любовь! Перевел с осетинского Семен ОЛЕНДЕР

Упрек Кроткого обидишь — Вмиг он ущемлен. А упряму, видишь, Твой упрек смешон.

Как-то Мишка начал Волка укорять: «Гибель славе нашей От тебя опята. Снова всех ты губишь... Скорый на язык, Ты просишь не любишь, Нападешь привык.

Если б стал обжора Славую эверей, Ты один, без спора, Был бы всех знатней.

На обжорство злое Честь я не менял, Я ведь от побоев Ребер не терял. К овцам даже в стужу Не клался я. Что позорней, хуже, Чем судьба твоя?»

«Чем ж, запомни это, — Молящий волк, ушел. И тотчас же где-то Закричал козел. Перевел с осетинского Семен ОЛЕНДЕР

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Если б, как нарты, я пел вдохновенно, Если б фандыр мой и в небе звучал, Все бы звал я народы вселенной И о страданиях своих рассказал.

Размер — двухстопный амфибрахий. В переводе получилось так: Пусть вечно не знает Покоя творец. Оплачь, о, родная, Мой скорбный копей.

Хотелось оставить оборот: «поддерживающему во мне жизнь», передающий характерную интонацию подлинника. Но строгий ритм подлинника сопротивлялся этому желанию. Пришлось отыскать синоним в одном коротком слове «творец», что позволило полностью сохранить содержание строфы.

Несколько слов о подстрочнике. Гослитиздату удалось организовать хороший подстрочный перевод, но и здесь не обошлось без ошибок. Так, осетинское слово, означающее «капризное дитя», переведено как «шалуна», что не одно и то же. В другом месте слово «невежда» переведено как «недоросль». Инога — «наоборот»: подстрочник страдает чрезмерной «точностью». Так, в стихотворении «На смерть Впшани» есть строка «Плачут наши головы». Такая фраза, естественная, быть может, в строе осетинской речи, по-русски звучит странно. Этим дефисом не так уж много, но лучше бы их вовсе не было.

В заключение хочется сказать, что работа над переводом стихов Хетагурова, этого тонкого обязательного лирика, приносит творческое удовлетворение и обогащает наш собственный поэтический опыт.

Как мужчина Встань, как мужчина, рано, Умойся и скажи: — Господь, своей охраной Мне милость окажи!..

Будь в доме хлеба вволю, Ты б свой имел кусок. Теперь же будь доволен Чурком, мой сынок!

Скорей беги учиться, Да суму не забудь! Не будешь ты лентяем — Найдешь свой верный путь!

Учишь дружок, с охотой, Чью мудрость всю познай, И с радостью работай, Чтوب человеком стал!

Перевел с осетинского Александр ШПИРТ

Новогодняя ночь Когда б с порога вашего И я пропел бы вам: — Халзаронта, халзаронта, * За вас я жизнь отдаю!..

Когда б ты вышла из дому, Ту песенку любя, Одним глазом бы, солнышко, Взглянула я на тебя!

Когда была б ты ласковой Со мной наедине, Когда б спросила: кто же ты? И улыбнулась мне — Тебя схватил бы за руку, Тебя сказал бы я: — Я тот, кто жизнь отдаст тебе. Любимая моя!

Перевел с осетинского, Александр ШПИРТ

* Халзаронта — козлята. Обращение из новогодней песни.

Давид Сасунский и его эпоха

С. КАРАПЕТАН, Х. САРКИСЯН

Создание эпоса «Давид Сасунский» в основном относится к IX веку. Это была бурная эпоха в жизни армянского народа.

Боедонесным восстанием против военачальника Юсуфа он завершил вековую борьбу с арабскими угнетателями.

В «Давиде Сасунском» с новой силой сказались художественный гений и свободный дух армянского народа, за много веков до этого создавший прекрасный эпос о великане Гайке, о солнечном Ваагне, об Ара, прекрасном и славном Артавазде.

Эпосу «Давид Сасунский» и родившей его героической эпохе в жизни армянского народа будет посвящена открывающаяся в юбилейные дни в Ереване большая историко-литературная выставка.

Вводная часть выставки посвящается документам тысячелетней жизни «Давида Сасунского». Здесь не только будет проиллюстрирована история этого эпоса в специальной карте, в диаграммах, диалятах отдельных его вариантов, но будут собраны также вдохновенные образы «Давида Сасунского» произведения лучших армянских поэтов, художников и скульпторов, армянская живопись и барельефы на темы отдельных эпизодов эпоса.

Для характеристики эпохи «Давида Сасунского» предполагается использовать свидетельства древних армянских историков, исторические документы, историческую живопись, данные раскопок древних армянских городов.

Молотильная доска, обуглившиеся зерна пшеницы и карамель из Двина, торфор, копы, ножи и стрелы, медные котлы и ложки, кирпичи, черепицы и водопроводные трубы, золотые и серебряные изделия — все эти памятники в совокупности дадут конкретное представление о состоянии сельского хозяйства и ремесла тогдашней Армении, об экономике деревни и города эпохи «Давида Сасунского».

Особенное внимание на выставке будет уделено памятникам Ани. Бывшего в эпоху создания «Давида Сасунского» пятиглавым узлом торговых путей между Востоком и Западом.

* Карамель — огромные кувшины, в которых хранили воду.

Параду с типичным средневековым городом Ани будет показан не менее типичный средневековый замок Амберт. Для этого используются данные раскопок, произведенных в Амберте в 1936 году экспедицией академика И. Орбели. В Амберте были обнаружены замечательные бронзовые памятники, в частности, бронзовые статуи с прекрасными орнаментами.

В эпоху эпоса «Давид Сасунский» началась процесс проникновения сетских идей в армянскую литературу. Процесс этот дал впоследствии блестящую плеяду средневековых поэтов, замечательных великими лириками Нагапетом Кучаком и Саягом Новой. Уже А. Фрин, армянский поэт XIII века, выражает сомнения в божественной справедливости и остро воспринимает социальные противоречия. В своих «Жалобах» поэт восклицает:

Долое будем мы страдать! Долое в рабстве изнывать! И ты, о боже, терпихи все, Где ж пресвятая благодать?

Художественная литература, как и наука эпохи «Давида Сасунского», будет на выставке представлена в рукописях, взятых из Государственного хранилища рукописей.

В древней Армении была высока развита культура книги и ее оформления. Армянский народ, прошедший через жестокие исторические испытания и невзгоды, все-таки сумел воплотить свой драгоценный вклад — свыше 20 тысяч древних рукописей — во веки веков. Более 10 тысяч рукописей хранятся в Советской Армении, остальные разбросаны по крупнейшим мировым центрам. Историки и археологи армянского филиала Академии наук составили каталог и описание почти всех армянских рукописей и приступают к изданию этого огромного труда в 600 печатных листов.

Выставка покажет рукописи эпохи «Давида Сасунского» во всей их художественной оригинальности: переплет, вкладные

листы, обрз книги, футляр, письмо, оформление первой страницы, хораны украшения к маргинальным главам, заглавные буквы и строчки и миниатюры. Здесь будут представлены в подлиннике и в копиях такие древнейшие армянские рукописи, как знаменитое энциклопедическое евангелие, а также все разнообразие творческих школ армянской миниатюры эпохи «Давида Сасунского».

В Армении в настоящее время готовится большая выставка армянской миниатюры, на которой будут демонстрироваться все направления армянской художественной миниатюры, включая великих мастеров средневековья: Торос Рослин, Саргис Циплак, Авак и др. Выставка будет показана в Москве и Ленинграде.

В отделе науки, искусства и литературы на выставке будет демонстрироваться библиотека, которая, по предположениям, принадлежала человеку XI века, знатоку греческого, арабского и иранского языков Григору Магистросу. Рукописные фолианты Магистроса свидетельствуют, насколько широко был умственный кругозор и глубоки были интеллектуальные запросы армянской интеллигенции XI—XII вв.

Последний отдел выставки посвящен истории опубликования «Давида Сасунского». Впервые один из его вариантов был издан в 1874 году Гарегином Сврянцянцем. Другой вариант эпоса был опубликован Мануком Аветьяном в 1889 г. Однако полностью развернуть работу по «Давиду Сасунскому» этот маститый ученый мог только уже в советское время — в 1936 году под его редакцией вышел первый том «Давида Сасунского», включающий 25 вариантов эпоса. В этом отделе будут сосредоточены данные о переводах эпоса на русский и иностранные языки и языки народов СССР, о художественной обработке его и будут выставлены все существующие варианты эпоса, портреты сказителей, собирателей и исследователей.

* Выставка, посвященная «Давиду Сасунскому», создается под непосредственным руководством армянского филиала Академии наук СССР при ближайшем участии Государственного исторического музея Армении.

Памяти писателя

Гов назад умер один из лучших советских писателей Александр Георгиевич Малышкин. Его произведения «Давиде Давид», «Севастополь», «Люди из захолустья» останутся для нашего читателя образцом замечательного труда вдумчивого и правдивого писателя. С преходящим мастерством Малышкин изобразил в «Люди из захолустья», как ломается в сознании человека меллособственничное начало и

как участие в коллективном труде наполняет его торжеством и счастьем. Мы радуемся высокой оценке, которую дал «Люди из захолустья» тов. И. В. Сталин, приведший это произведение как пример стиля социалистического реализма и указавший, что «здесь удивительно конкретно, в соответствии с жизненной правдой, показан рост людей из маленьких горючих захолустья на больших стройках».

Мы глубоко скорбим, вспоминая нашего ушедшего товарища и друга, и вместе с тем радуемся тому, что широкие массы читателей давно оценили его выдающийся талант, — книги Малышкина читаются и

будут с неослабным интересом читаться нашими новыми советскими читателями. Мы надеемся, что Гослитиздат потруится выпустить в свет подготовленное к печати трехтомное собрание сочинений этого выдающегося мастера советской литературы. Кроме того, мы считаем необходимым массовое издание романа «Люди из захолустья».

Федор ГЛАДНОВ, Леонид ЛЕОНОВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Вл. ЛИДИН, И. ФЕДИН, В. ЕРМИЛОВ, А. ЯКОВЛЕВ, Б. РОМАШОВ, А. ФАДЕЕВ, И. НОВИКОВ.

Тихие радости

Валерий Брюсов на лекциях в Литературно-художественном институте его имени любил рассказывать молодым поэтам-студентам историю о искусственных минеральных водах. Эта история должна была защитить истинную поэзию от стихоидности.

... До революции существовало немало заводов искусственных минеральных вод. В основе производства лежал, казалось бы, и логика и наука. Был произведен химический анализ минеральной воды. Анализ показал: такое-то количество таких-то щелочей, таких-то солей, такого-то газа и т. д. Все эти соли, щелочи и газы имелись в химии в свободном состоянии, надо было только их смешать, и вот — искусственная минеральная вода! И печатем ее возить с Кавказа, когда можно припротопить в Москве на Самочешной площади!

И люди пили воду, ничем на вкус не отличающуюся от воды из естественного источника. Но только заметил, что на человеческий организм это творение благотворного влияния не оказывает. Позже выяснилось, что все это предприятие с искусственными водами — чепуха и невежество, ибо оказалось, что настоящая вода нрме всего содержала ценнейший и редкий газ — эманацию радия, а отсюда — целебное действие воды (радиоактивность).

И пришлось воду опять возить с Кавказа.

Подобная поучительная история произошла недавно с «Литературным современником». В редакцию пришел Н. Бойцов и сказал:

— Довольно возить Хемингуэя! Я произвел подробный анализ его приемов и теперь могу припротопить рассказ, который ничем не будет отличаться от рассказов прославленного американца!

И завалил по «выработке искусственной минеральной воды» был открыт.

Работа шла согласно упомянутому анализу. Анализ же творчества Хемингуэя выглядел у Н. Бойцова так:

Река — 5%; рыбная ловля — 11%; ущербные люди — 19%; тайное горе — 7%; мимное счастье — 7%; природа — 4%; упоминание об отсутствующем — 6%; нейтральный (ни о чем) диалог — 10%; диалог с подводным течением — 31%.

Все эти соли, щелочи и газы имелись в литературе в свободном состоянии — надо было только их отгнать и смешать. И Н. Бойцов это делает. С особым удовольствием он отгнывает диалог. Ибо ему больше всего приглянулось у американца его знаменитый и, если так можно сказать, «устало-напряженный» диалог. Вдруг этот диалог у Хемингуэя устало от войны, от жизни, от несчастий людей. Взрослые люди без рожины и любви. Люди, у которых если и было что-то хорошее, то несли они его за пазухой, скрывая от света и от посторонних.

Н. Бойцов поискал вокруг себя таких людей и не нашел. Тогда он придумывает двух мальчиков. Ущербленных мальчиков с тайным горем и с мимным счастьем. У одного нет ни отца, ни матери, а у другого мальчика есть мать, но отец — двурогий.

Н. Бойцова это удовлетворяет: форма хотя чуждая, но зато содержание свое. Так перед отъездом привлекательные кожаные чемоданы, хотя и нетрунну, короткую дорогу следует взять с собой только два носовых платка, карандаш и жареную куриную. Но Н. Бойцов все же берет в дорогу большой чемодан и несет его, приторываясь, что он полный и тяжелый.

Как он это делает?

У мальчиков, действительно, может быть и тайное горе и мимное счастье, и писатель, конечно, вправе изобразить это. Но задача эта одна из труднейших, ибо здесь, более чем в другом случае, надо опереться на свою биографию. Но в памяти задержались из далекого детства только события, слабые — душевная

реакция на них и совсем почти утраченные те слова, тот строй речи...

Но Н. Бойцов не стал над этим трудиться. Да для него это и не имело смысла, ибо мальчики тогда заговорили бы своими голосами, обнаружили бы свой темперамент, и чуждая литературная форма не выдержала бы не свойственного ей наполнения.

Но, повторяю, анализ, произведенный Н. Бойцовым над творчеством Хемингуэя, требовал, чтобы «устало-напряженный» диалог состоялся в рассказе — не должен быть забыта ни одна щелочка, ни одна соль, ни один газ! Все как в «Смерти после полудня», в «Прощай, оружие!» — все, как в натуральном источнике.

И мальчики заговорили чужими голосами. Это всегда вызывает «оживление в зале», ибо это и смешно и противно, как всякое притворство.

1) «— Пожалуй, ты и не слушаешь своего отца?»
— «Может быть, я думал о другом, Володя.»
— «Скорее всего, что ты думал о другом...»
2) «— Да я не об этом, Володя.
— О чем же?»
— Да так, совсем о другом.
— Если хочешь знать, бил ли он меня, то, пожалуй, и бил. Конечно, когда был пьян.
— Да нет, я не об этом хотел спросить, Володя.
— Трудно сказать, чего ты сегодня хочешь, — сказал мальчик из детского дома.
— Пожалуй, я и сам не знаю, что я хотел спросить, — тихо сказал Яша.
— Ну, ладно, не будем об этом говорить...»
3) «— Ничего я не понимаю, — сказал мальчик из детского дома.
— Не будем говорить об этом, — сказал Яша.»
4) «— Ничего я не понимаю, — сказал мальчик из детского дома. — Одно ясно: глупо было приставать к тебе с охотой...»

Не только с охотой! На наш взгляд, нельзя приставать к мальчикам и с требованием, чтобы они от строчки к строчке жевали с глубокомысленным видом какую-то резину без конца и начала.

Иногда мы встречаем в рассказе и совсем странные вещи! Можно подумать, что автор, отнесясь к чужим соли и щелочи, заснул, и утомленная рука написала невзвешенного.

«— Почему ты смеешься, мама?» — спросил сын.
— Да разве я смеюсь?
— Мне показалось, что у тебя дрожат плечи.
— Тебе все кажется. Ну, скажи, разве у меня дрожат плечи?
— Не знаю.

Представим это зрительно. Мальчик узнает о смехе матери по дрожанию ее плеч. Может ли это быть? Может, но только в том случае, если мать стоит к сыну спиной. Но мать провожает сына. Трудно поверить, чтобы провожающий стоял спиной к провожаемому. Но если мать стоит «нормально» — лицом к сыну, то почему мальчик замечает смех только по дрожанию плеч? Может быть, в обществе этих замкнутых, сдержанных, асфальтированных людей приятно смеяться с неподвижным, застывшим лицом? И только неотрегулированные плечи выдают душевное состояние!

Итак, рассказ «Пора уезжать в горы» был приоткрыт и отнесен на пробу в «Литературный современник». Там его откупили, нашли, что он почти ничем не отличается от настоящего Хемингуэя и напечатался в № 4.

... Позже выяснилось, что все это предприятие с искусственными минеральными водами — чепуха и невежество, ибо оказалось, что настоящая вода, нрме всего, содержала ценнейший и редкий газ — эманацию радия, а отсюда и целебное действие воды (радиоактивность).

Писателю полагается — с той или иной глубиной проникновения — слышать и видеть, как возникает, развивается и исчезает социальные и бытовые формы, как решают для себя его страдания основные вопросы культуры и жизни, как зреет человек, как растет трава, как течет вода, как стелется пространство. Ибо он должен выразить в образах свои собственные мысли, чувства и наблюдения. Если сказать полностью лишнее этих качеств и доверствуется одним лишь общим, отвлеченным представлением о конкретном жизненном процессе, то мы вправе сказать, что при выборе профессии им руководило либо невнимание, либо тщеславие.

Критика есть «орган самосознания» художественной литературы. Это значит, что в критике литература познает свое объективное значение. Следовательно, чтобы дать правильную оценку тому или другому литературному явлению, критик должен обладать знаниями и личным жизненным опытом, не уступающим знаниям и опыту писателя. Иначе он не сможет, к примеру, судить, является ли данный литературный персонаж синтезом реально существующих людей, или писатель «сложил» его из ряда отработанных представлений и эпитетов; должна ли была Наташа Ростова по строю своего характера и по обстоятельствам, в которые ее ставит писатель, поддаться любовным домогательствам Анатоля Курагина или с презрением их отвергнуть...

Но этого мало. Подобно писателю — в пределах его жанра — критик должен еще уметь так отобрать и расставить слова на малом поле газетной или журнальной статьи, чтобы логическими средствами — хотя ему отнюдь не противопоказаны и средства образные — создать единичный и неповторимый образ писателя и его произведения. Коротко критика должна быть не только наукой об искусстве, но также «искусством об искусстве». Если критик в той или иной мере не обладает этими качествами, то мы также вправе сказать, что при выборе профессии им руководило либо невнимание, либо тщеславие.

Наша критика, если брать линию ее общего развития, имеет за последние годы большие достижения. Можно назвать десятки квалифицированных критиков, а десятков и просто отличных, обладающих талантом, знаниями, вкусом, тактом и любовью к советской литературе. Они обогащают нашу литературу зрелой мыслью, к их слову прислушиваются и читатели и писатели, они предвещают писателя от грозных ему опасностей и читателя — от возможных заблуждений. Они создают новые понятия для обозначения новых литературных фактов и подлинно являются «органом самосознания» советской литературы: без их помощи писатели не смогли бы осознать объективное значение своего труда.

Но это — глубоко радостное явление. Но процесс становления советской литературной критики, как и всякий жизненный процесс, сложен, противоречив и совершенствуется не автоматически: он предполагает сознательную, упорную, каждодневную борьбу за качество. Именно в процессе такой борьбы создаются основные кадры советской критики. Одним из способов борьбы является разоблачение тех приемов, при помощи которых «работает» плохая критика.

Напиться критическую статью и очень трудно и очень легко. По своему природе жареному написать плохую критическую статью значительно легче, чем плохой рассказ; для этого надо только решить задачу по линии наименьшего сопротивления. И вот люди на скорую руку усвоившие ряд внешних критических каноничности, не обладающие талантом, ни знаниями, ни вкусом, ни тактом, ни любовью к литературе, смело берутся за перо. Снисходительность редакторов широко открывает им двери журналов и газет — что делать, нужна великая, советский читатель жлет не дожидается отклика на все явления литературы, он хочет не только читать романы, повести, рассказы, стихи, но и осознать прочитанное, — и множество скверных, «любительских» статей заполняют страницы столичных и периферийных изданий. Это — явление серьезное, и его следует не только констатировать, но и бороться с ним.

Когда я с вышеназванным высоким представителем о роли и значении критики прочитал на выборку несколько десятков критических статей, напечатанных за

последнее время в наших журналах и газетах, первые же фразы первых же статей произвели на меня подлинно трагическое впечатление. В процессе дальнейшего чтения я убедился, что имею дело отнюдь не со случайными словесными «пустотами»: эти наудачу вытисные «пробы» дают точное представление о «составе» всего текста статей. Более того, они описывают типичные для фразеологии и метода мышления значительной части прочитанных мною критических упражнений. Стало совершенно ясно, что их авторы оперируют словами и понятиями, давно утратившими для них самих — а следовательно и для читателя — всякий живой смысл.

Меня поразила та сила инерции, которая заставляет подобных критиков скопировать мимо эпохи, мимо жизни, мимо литературы, мимо текста, мимо живого писателя — в безобразном пространстве отработанных слов. И все же критик, овладевший этой системой слов, может до известной степени свободно ориентироваться в литературе, может разговаривать о ней так, чтобы быть точнее, чем избитым и мертвым языком. Но как известно, даже писать о ней так можно писать о стране, изученной по Балекеру. Человек так привыкает пользоваться своим критическим «кодом», рассчитанным на все случаи «литературной жизни», что его не разглядит никакой неожиданностью: талантливые произведения он обозначает теми же самыми эпитетами, что и бездарные, но в первом случае он ставит знак плюс, во втором — минус. Конечно, если только ему дано отличать талант от бездарности. По большей части, не рассчитывая на свою произвольность, он предпочитает несколько запаздывать и с признанием и с хвалой.

Вот как пишет критик М. Серебрянко в своей статье, посвященной номеру второму альманаха «Дружба народов»:

«...образу Шевченко, написанному талантливым писателем М. Зощенко, нехватает яркости, теплоты, эмоциональности...»

«Хорошо будет встречены читателями главы из второй книги «История одной жизни» Степана Зорьна... Образы вносятся Сурина и Титарова... и образ революционер-подпольщика Микаэля... нарисованы тепло, психологически правильно и убедительно...»

«...рассказ Шалва Дадляни о Шота Руставели — яркий и талантливый рассказ, написанный в романтическом духе. Тепло, любовно, вдохновенно нарисован в этом рассказе... и т. д.

Неужто свое восхищение «яркой и талантливой» Дадляни — если это подлинное, а не «условное» восхищение — не смог критик обречь в живые слова, идущие прямо от взволнованного сердца и приторванного ума? Неужто художественный материал рассказа о великом Руставели не вызвал в нем каких-либо живых ассоциаций, связанных с его собственным жизненным опытом, с его эстетическими мечтами о величии, о мужестве, о таланте, о благородстве? Неужто в богатейшем русском языке не нашел он слов или словосочетаний, которые позволили бы ему хотя бы несколько разнообразить понятие «теплоты», «вдохновенно примененное им в отношении трех совершенно различных художников: Зощенко, Зорьна, Дадляни»? У одного, видите ли, отсутствует, у другого присутствует: знак минуса, знак плюса! Зощенка «нехватает яркости, теплоты, эмоциональности»; у Зорьна персонажи «нарисованы тепло, психологически правильно, убедительно»; у Дадляни, написавшего «яркую, талантливую вещь», «образ нарисован тепло, любовно, вдохновенно!»

Лев Толстой говорит, что чем меньше различий находит человек между людьми, тем незначительнее он сам. Это правило, чуть перефразированное, вполне может быть отнесено и к критике: чем меньше различий находит критик между писателями, произведениями, персонажами, в отношении их оценки, тем менее соответствует своему назначению. Речь идет, разумеется, не о восприятии критика, а о тех словах, которыми он обозначает те или иные факты литературной действительности.

Есть критики, которые любых героев любых произведений делят на «теплых» и «не теплых», на «ярких» и «не ярких», на «сочных» и «не сочных», на «красоч-

ных» и «не красочных», на «убедительных» и «не убедительных». Конечно, эти определения не столько характеризуют степень мастерства писателя — равно талантливого и безталантного, — сколько степень мастерства критика. Вот почему я вовсе не преследую цель защитить литературу от нападков или похвал подобных критиков: они всегда будут иметь дело с инерцией и в порывах, и в хуле. Я хочу защитить этих критиков от них самих.

Я привел всего лишь три цитаты из статьи М. Серебрянского, но она и в целом, от слова до слова, дает исключительное благодарный материал для своеобразного исследования: как можно «сложить» большую статью о большом числе писателей и произведений на отработанных, серых, отзвучавших слов.

А вот как пишет о Маяковском критик Б. Руинин в статье «Лирик-трибуна»:

«...Эмоциональные взволнованность лирики Маяковского далека от самоповелеющей индивидуализации, свойственной многим лирическим поэтам. Воплощая в образах свои чувства, он подымался до высокого обобщения, до широкого общественного звучания...»

В лирике Маяковского отразилось огромное внимание, которое он уделял назначению поэта, роли, которую поэт призван сыграть в современном обществе...»

«Все те, кто и в наше время сохранил представление о лирике, как о пейзажном, преимущественно, наблюдении, выраженном в стихотворных строках...»

«Эмоциональная взволнованность лирики Маяковского далека от самоповелеющей индивидуализации, — что это означает? В лирике Маяковского отразилось огромное внимание, которое он уделял назначению поэта, роли, которую поэт призван играть в современном обществе, — что это означает? Воплощая в образах свои чувства, он подымался до высокого обобщения, до широкого общественного звучания, — что это означает и на каком языке это написано? Что означает эти обобщения и к кому же совершенно неразумеваемые фразы в отношении к жизни, единственному, непотоптому Маяковскому, перебирающему тоны словесной руды, чтобы найти одно точное слово? Что означает в этих устах «общественное звучание» (и потому звучание — широкое, а обобщение — высокое, ведь можно и наоборот, но все ли равно?), если вы способны применить его с одинаковым смыслом к десятку прозаиков и поэтов? Почему было не потрудиться и не подыскать для характеристики именно «общественного звучания» Маяковского точное и конкретное слово? Неужели живой смысл этого словосочетания похоронен для вас, как древний город под песками пустыни? Попробуйте-ка при помощи гигантского усилия душевной и всякой иной памяти докопаться до его живого, первоначального смысла! Да ведь это не больше, не меньше, как живое, взволнованное восприятие живых взволнованных строк Маяковского живым советским юношей, проживающим в вузовском общежитии по такой-то улице, в таком-то доме! Веломо ли вам, как именно воздействует на его разум и сердце Маяковский, и за что именно любит он «талантливейшего поэта советской эпохи»? Вот это и будет «общественным звучанием» Маяковского, а понимание, истолкование и обобщение этого конкретного факта и является в данном случае делом критика. Я знаю, нелегко преодолеть привычную инерцию словесного «скольжения», но если вы хотите жить и творить в литературе, вы у вас нет другого выхода, как «спотрошить» отработанные слова, в которых литература не отражается, — уничтожить ее...»

В нашей статье о Маяковском нет ни одного слова, имеющего познавательное значение. Но есть нелепое определение лирики, которого кто-то, когда-то, будто бы придерживался. Есть пустая риторика, лишняя всяких элементов мышления:

«Страстная убежденность, революционный пафос, агитационность и аллободность — вот характерные черты социалистической лирики Маяковского.

Он говорит о своей любви и своей ненависти во весь голос, и это был голос его страны, голос его народа. Неужто эти высокопарные, отработанные слова достояний скважничества в стихотворении «Во весь голос»? Так, слово за словом, фраза за фразой, — и вы утратите всякую связь и с литературной, и с реальной действительностью. А чего стоит критик, лишней способности в конкретному мышлению?

Далее вы с протоней — если не с пререзанием — пишете о «лирических грезах» Фета, одного из крупнейших русских поэтов XIX века. У читателя, не знакомого с Фетом, может создаться впечатление, что речь идет о каком-то трюфетском поэте-попсылке. С такой же протоней — если не с пререзанием — пишете вы о «мистических туманностях» символистов. Неужто вам неизвестно, что вся поэзия Блока после 1905 года исполнена глубочайшей трюфети, напряженного предчувствия грядущей революции? Неужто неизвестен вам путь символизма Валерия Брюсова? Нет, тут «мистическими туманностями» не отделяется это явление сложное, требующее серьезного усилия мысли. Разумеется, и можно и следует с точки зрения современности и в каком-то определенном смысле критиковать и Фета, и Блока, и Брюсова, но адресовать — в достоянием тоне и в полноту меру понимания — следует именно к этим большим поэтам, а не к тем ничтожествам, которых вы наградили их именами. Ведь советский народ, любя и ценя своего Маяковского, отнюдь не собирается отказываться ни от Фета, ни от символистов — прекрасных русских поэтов иной исторической эпохи. Да и Маяковский не нуждается вовсе в таком грубо-примитивном противопоставлении, чтобы обрести величие: он добыл его иной ценой.

Беда, конечно, не в том, что два критика написали две плохие статьи, беда в том, что они написали статьи, типичные для целого отряда наших критиков: я мог бы привести еще десятки и сотни подобных же цитат из прочитанных мною статей. Я вовсе не имел намерения выискивать «привороты» упомянутым двум критикам. Я только пытался показать на случайном для себя — и, малом, для авторов — конкретном тексте, что их статьи — исключительный выразительный стиль демонстрирует все без исключения черты плохой критики: полное отсутствие конкретности мышления и мышления вообще, легкомыслие в суждениях, полемичность, творческого языка мертвым критическим «кодом», неумение соотнести образ писателя и произведения, неумение различать явления, сердитый холод.

Повторяю, в таких критических статьях литературное явление не отражается, а уничтожается. Если подлинная критика должна выдвигать отдельные художественные произведения из потока, то плохая критика смешивает все в одну кучу, и литература предстает нам не как творческое воспроизведение действительности, как живое, ушное, канцелярское бумагомаранье.

В критике — как и в литературе — человек должен мерить себя полной мерой. Но для этого надо соотносить слово с живым ощущением вещей и явлений. Это в особенности легко сделать критикам молодым, еще не успевшим наглухо замкнуть в систему холодных, отзвучавших слов и определений. В известном смысле каждая критическая статья, подобно художественному произведению, должна иметь характер автобиографический: автор должен привнести в нее свой личный жизненный опыт, поверить этим опытом образный мир писателя. С этой точки зрения большинство плохих критических статей плохо именно тем, что авторы их отказываются от самих себя. Я убежден, что если критик Руинин — и многие, многие другие — учтет это в своей дальнейшей работе, то он выйдет из того круга, в который сам замкнул себя. Тем более, раз в некоторых его других статьях иной раз проскальзывает живое слово и живое чувство.

К. СИМОНОВ

Поэма О. Кольчова «Щорс»

В большой книге «Литературного обозрения» была помещена рецензия А. Сомова на поэму Кольчова «Щорс». Рецензия, в общем давая вполне правильную отрицательную оценку, была во многом поверхностной, часто недостаточно доказательной. Тов. Ростова-Щорс выступила со статьей, в которой, критикуя эту рецензию, амнигировала тем самым слабую поэму Кольчова.

Когда высказывает свое мнение о произведении соратник того, о ком оно написано, мы с особым вниманием должны прислушиваться к его голосу во всем, что относится к верности деталей, в историческому правдолюбию образов, — здесь это мнение большей частью несомненно и обязательно.

Очень важно, когда соратник того, о ком написана поэма, высказывает свою эстетическую оценку ее. Эта оценка для нас существенна. О верности событий прежде всего может судить очевидец; но о качестве, о впечатляющей силе произведения, написанного на материале этих событий, имеет равное право и возможность судить каждый читатель книги — и ветеран гражданской войны и человек 1917 года рождения. Для того, между прочим, и пишется такие произведения, чтобы в глазах человека 1917 года рождения воссоздавались те дни, чтобы он мог их ощущать и судить о них.

Для тов. Ростовой-Щорс за поэмой стоит бесконечно много подтекстов, материал, которого в поэме нет, но который для нее подосновательно связывается с поэмой. И поэтому естественно, что поэма, нелепо воспринимаемая как стихотворные примечания к известному и пережитому, получила у тов. Ростовой-Щорс гораздо более снисходительную оценку, чем та, которой она заслуживает на самом деле. Благо намерения автора были оценены так, как будто они действительно осуществлены в поэме.

Но попробуем взглянуть на поэму с точки зрения читателя, знающего Щорса только по газетным статьям и брошюрам

и надеющегося, наконец, отрыв поэму, найти на ее страницах истинно поэтический, цельный и законченный образ героя. Для такого читателя поэма — не примечания, а в сущности говоря, впервые видит Щорса, впервые с ним знакомится, и все вышесказанное им из поэмы — это и будет для него Щорс.

И вот с этой точки зрения — Щорса в поэме нет. Читатель ничего, или почти ничего, кроме общеизвестных фактов, преподанных в рифмованном виде, из поэмы не вынесет.

Пробуем доказать это положение.

Прежде всего договоримся, что поэма отличается от очерка или биографии не только тем, что биографические сведения в ней написаны столбиком и кое-где снабжены рифмами. Поэтическое претворение материала предполагает другой угол зрения, другой отбор материала, другое понимание термина «познавательное значение».

Из биографии мы выносим прежде всего сведения, факты, это во всяком случае лежит в основе биографии. Поэтический строй речи не приспособлен к точной передаче сведений и фактов — он не одобрен для этого. Им просто нецелесообразно пользоваться для этого, ибо зарифмованные сведения, да к тому же еще довольно общеизвестных, — занятие столь же утомительное, сколь и ненужное. Многие из нас, работающих над исторической тематикой, с трудом доходят до понимания этого простого обстоятельства. Кольчов его совсем не понял. Если бы он углубил свое изучение фактов, умело их сопоставил, хорошо изложил, — получалась бы, возможно, неплохая биография, ибо отказывался в знаниях фактов Кольчову мы не можем. Но эта биография была бы лишена скверных рифм и натяжек, неизбежно появляющихся при зарифмовке биографических сведений. Из этой биографии читатель вынес бы то, что и хотел вынести, — точные факты. Но к поэме

читатель подходит совсем с другими ожиданиями, и познавательная ценность поэтического произведения — нечто принципиально отличное от познавательной ценности биографии. Если, прочтя поэму, мы познакомились с большой, сильной душой, если мы остро почувствовали, открыли все, соединяющее нас с ней, и все, отличающее нас от нее, если мы познали какие-то частицы себя в этом образе и если все это вместе взятое вызвало в нас какие-то душевные движения, внутренние перемены, — тогда, значит, поэма имеет познавательное значение, претендует быть поэмой, то мы бесполодно предьявляем к ней это поэтическое требование и в то же время снисходительно относимся к биографическим неточностям, непоследовательности в изложении и т. д., если они не искажают внутреннего облика героя.

Естественно, что к биографии мы предъявляем совершенно иные требования, и нет ничего хуже, как это столь часто у нас смешение требований, применение одного и того же комплекса их к самым разным вещам. Когда т. Ростова-Щорс, защищая поэму Кольчова, говорит в похвалу ему, что «мы видим Щорса, в заботе о кадрах, создающим школу красных командиров, или что рассказывает о Богуне, «Щорс» этим рассказом устанавливает историческую преемственность своей революционной борьбы», то такие утверждения, приведенные в защиту полноты и всесторонности биографии, были бы, конечно, весьма убедительны, но в применении к поэме они, в сущности, ни о чем не говорят. Нам в гораздо меньшей степени важно знать, о чем упоминал автор и о чем не упоминал — он ведь не биограф. А если он это сделал, то нам важно, как он это сделал, имеет ли это отношение к поэме или это сделано именно в порядке упоминания, примитивно и внаслух, как в данном случае у Кольчова.

Если мы полюбим к поэме с теми поэтическими требованиями, о которых упо-

миналось, то почувствуем, что она не вывала у нас никакого душевного движения, не заставляла задуматься над собой, не приближала к нам того, о ком она написана, не превратила внешнюю логику событий во внутреннюю логику чувств и переживаний. Сумма биографических деталей не смогла заменить характера.

Очень тесно с этим вопросом о взаимоотношения биографии и поэзии связан вопрос о роли повествования в поэзии, о ее сущности и принципиально и конкретно в частности разрешаемый Кольчовым неверно.

Думается, что разница в роли и в удельном весе повествовательного начала — один из основных возразителей между поэзией и прозой. В силу самих особенностей строя поэтической речи подробная разработка сюжета, его разветвленность и острота в поэзии имеют несомненно меньшее значение, чем в прозе. Сюжет в поэзии — это в большинстве случаев леса, необходимые для постройки дома, во всяком случае, сюжет в подлинной поэзии — никогда не самоцель. Он служит канвой для развертывания лирических переживаний, он исчезает там, где в нем исчезла потребность, и появляется там, где он снова появляется; часто сюжет в собственном смысле слова отсутствует. Но в поэзии с гораздо большей последовательностью и дисциплиной, чем в прозе, всегда (когда это настоящая поэзия) присутствует внутренний лирический сюжет, дружина действия — то нарастающее лирическое напряжение, система внутренних психологических ходов, на которых держится произведение. Именно этот внутренний сюжет диктует систему подбора фактов, упоминания и пропуски, узлы и перерывы в действии.

С этой точки зрения неважно, что поэма Кольчова построена по принципу механического соединения отдельных «ударных» эпизодов (как утверждает Сомов) или что «в ее основу положены не заветная интрига, а строгий сюжет, данный историей» (как пишет тов. Ростова-Щорс). Автор мог построить внешний сюжет как угодно, наконец, мог написать поэму внешне бессюжетную (как, на мой взгляд, он и сделал), в этом не заложено никакой порочности, если только поэма построена в соответствии с движением

внутреннего сюжета, в соответствии с нарастающим внутренним лирическим движением.

Порок поэмы Кольчова в том, что он не сумел этого сделать, в том, что в его поэме нет внутреннего сюжета, и эпизоды рассыпаются не потому, что они эпизоды, а потому, что ни их последовательность, ни их выбор, ни их содержание не обусловлены внутренним сюжетом, не оправданы необходимостью развития характера героя. Щорс в поэме Кольчова внешне и неподвижен. Кольчов изложил события, в которых принимал участие Щорс; что кроме этого он имел сообщить читателю, — остается неизвестным. У Кольчова нет своего понимания характера Щорса, своей трактовки, а это необходимо художнику, эти и определяется выбор фактов, угол зрения. Кольчов упоминает о том, что Щорс молод, но Щорс у него не молод, он не имеет у него возраста, точно так же, как не имеет характера. Может быть, самое удивительное в Щорсе то, что он был таким, каким он был, имея 22 года от роду. Тема гонимой, бесконечно волнующей нас, даже не почувствована Кольчовым. Щорс умирает 23 лет — в разгаре войны, в самом начале своей уже блестящей дороги полководца; это трагическое ощущение неопределенности, горячи тоже не нашло места в поэме Кольчова. Я говорю только о некоторых сторонах, я хочу только дать почувствовать, до какой степени внешне полюбил Кольчов к теме, как он не заметил за событиями внутренним лирическим подтекста, т. е. именно того, что составляет смысл поэзии.

В поэме есть фон, есть эпизоды и детали, дающие ощущение времени, в них очень часто отсутствует чувство меры, в них много безвкусных и просто некрасивых строк, но все-таки, если выбрать лучшее из этого, получили бы небольшой цикл стихов о гражданской войне, передающих общий колорит эпохи, представляющих собой полчас довольно удачные и меткие зарисовки. Щорса в них не было бы — не было бы точно так же, как сейчас его, но существо, нет в поэме.

У Кольчова обнаружилось грустное несоответствие между добрым намерением написать поэму о Щорсе и полным отсутствием внутреннего ощущения и понимания характера того человека, о котором он решил писать. Без такого понимания,

без отчетливого ощущения лирической задачи поэму писать было нельзя. Она всятаки написана, поэма о Щорсе есть, но Щорса в поэзии попреему все еще нет.

Мне хотелось остановиться на принципиальных причинах неудачи поэта. Я не занимался здесь формальным анализом поэмы, но внутренняя беспомощность всегда в большей или меньшей мере сопровождается беспомощностью внешнею. В качестве примеров такой беспомощности, дурного вкуса и неряшливости можно было бы процитировать добрую треть поэмы. Вот как, например, разговаривает немецкий офицер с пленным:

В наручниках
Б фон-Бальцу
Развешка велт.
«Я знал тебя по дельцу!»
(И переводчик тут...)

«В каком полку ты служил?»
И что за генерал
Чуть русского окруж
Большевикам продал?

В него давно мы метим,
Опасен он в борьбе...
Убей его!
И эти
Ты жизнь спасешь себе.
Что,
кайзеров позарок
Тебя не веселит?
Тебе
сто тысяч марок
Сам Гинденбург вручит!»

«Чего тарашни буркала,
Угроз я не боюсь...
Почти Гинденбург
Дерется Щорс в бою!»

Мы привели еще не самый вопиющий пример: желающих убедиться в этом отсылаем к самой поэме Кольчова («Октябрь» № 11 за 1938 г.).

Пушкин-историк

Новый том «Пушкинского временника»

Выходит из печати 4-5-й том «Пушкинского временника», издаваемого Пушкинской комиссией Института литературы Академии наук СССР. Большая часть материалов, вошедших в этот том, посвящена историческим работам Пушкина.

В отделе «Новые тексты» публикуется первоначальная редакция XI главы «Капитанской дочки» («Мятая свобода») с комментариями В. Томашевского. Вариант этот является белым текстом рукописи, доверх которого Пушкиным были нанесены исправления, дающие окончательную редакцию главы, известную по тексту, напечатанному самим автором в «Современнике». Первоначальная редакция интересна не только для характеристики стилистической работы Пушкина, но и для выяснения изменившихся сюжетных положений в «Капитанской дочке».

«...В первоначальном замысле, — указывает В. Томашевский, — в центре романа стояло одно лицо, прототипом которого Пушкин избрал то Шванвича, то Бажарина. Это был, по замыслу Пушкина, дворянин, перешедший на сторону Пугачева и служивший ему. Цепляющиеся условия заставили Пушкина изменить замысел. Не мог оставаться героем сознательный, добровольный изменник. Пушкин решил вывести двух героев, из которых один, во втором, отрицательном, паде обвинение в измене. Между тем, первый должен был подвергнуться суду за сношения с Пугачевым (в этом заключается замысел всего романа), следовательно, эти сношения должны были возникнуть без акта измены. Отсюда возникла трудность сюжета Гринев и Пугачев, не опровергнув Гринев как изменника. Отрицать в этой постановке вопроса наличие цензурных соображений невозможно...»

Строитель и логичность первоначальной редакции XI главы делает ее, считает автор комментариев, по меньшей мере качественно равной окончательной редакции, вызванной желанием смягчить ответственность, при которых происходили сношения Гринев и Пугачев. «Пушкину необходимо было принести Гриневу к Пугачеву помимо его доброй воли и снять с Гринева обвинение в сознательном изменничестве сношении с врагом-бунтовщиком».

В этом же отделе напечатаны отрывки из первоначальной редакции первой главы «Истории Пугачева» и пушкинские заметки устных рассказов о фугатчинцах. Тексты эти, сопровождаемые комментариями В. Комаровича, существенны для изу-

чения работы Пушкина-историка над источниками и материалами. Историческим работам Пушкина посвящен и ряд исследований и статей: «Полководец» — статья В. Мауылова и Л. Молдаевского, «Капитанская дочка» и роман Вальтер-Скотта — Д. Юрковица, «К вопросу об источниках «Капитанской дочки» — В. Гуляева, «Пушкин 30-х годов в борьбе с официальной историографией» — А. Грушкина. Интересно сообщение Я. Яниского «Работа Пушкина над историей Французской революции».

Из других материалов тома отменяем статью: «Английский протестарият в изображении Пушкина» — члена-корреспондента Академии наук СССР Н. Козмина, «Пушкин и античность» — акад. М. Покровского, «Полтава» и «Петрица» — А. Соколова, «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века — Л. Пумпянского, «Пушкин-переводчик» — Г. Владимирского, сообщения Л. Гроссмана — «Французские свидетельства о дуэли Пушкина», В. Виноградова — «Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» и др. «Трибуна» в выходящем томе «Пушкинского временника» представляется известному ученому-геологу Сергею Обручеву, дискуссионная статья которого посвящена расшифровке X главы «Евгения Онегина». В 4-5-м томе напечатан и ряд рецензий и обзоров.

4-5-й том «Пушкинского временника» был сдан в производство в начале 1933 г., но к читателю он дойдет только в конце августа 1934 года. Почти годичное опоздание «Пушкинского временника» снова заставляет говорить о негодной работе издательства Академии наук. По вине издательства не только безнадежно устарел ряд статей и обширная хроника, посвященные итогам юбилейного пушкинского 1937 года, но даже в отделе «Новые тексты» действительно новыми оказываются одни лишь комментарии. Напечатанные здесь пушкинские тексты внимательный читатель прочел уже в VIII и IX томах академического издания. Увы, ставшие своими опозданиями академическое издание Пушкина вышло раньше «Пушкинского временника»!

На-днях выяснилось, что «Пушкинский временник» за 1933 год издательство собиралось сдавать в производство лишь в 1940 году (?). Можно ли мириться с таким нетерпимым пренебрежением к советскому литературоведению и к советским ученым? ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.).

М. Горький. Скульптура Блиновой. Павловск «Северо-Восток», Зап. Горьковской области. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка.

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

АРМЕНИЯ
Ереванский государственный университет издает научные труды, посвященные вопросам литературы и философии. Печатаются работы: проф. А. Тертеряна — «Эстетика М. Нальбандяна», А. Гарибана — «Армянские наречия» и юбилейный сборник, посвященный тысячелетию «Давида Сасунского». («Коммунист».)

КАРА-КАЛПАКИЯ
Выходит из печати второй номер альманаха писателей Кара-Калпакия. В нем будут помещены стихи Ааббергена, Джуманиязова, Бекманова и Шаурашова и перевод отрывка из повести «Алб» А. Толстого. («Советская Кара-Калпакия».)

ТАТАРИЯ
В научной библиотеке Казанского университета находится несколько сочинений Алишера Навои, классика узбекской литературы. 500-летие со дня рождения которого отмечается в 1940 г. В распоряжении библиотеки имеется сборник Навои «Диван», список 1865 года, являющийся лучшей библиографической редкостью. («Красная Татария».)

УДМУРТИЯ
При союзе советских писателей Удмуртия создана комиссия для организации тысячелетнего юбилея «Давида Сасунского». В составе комиссии — П. Блинов, поэт М. Петров и детский писатель А. Багай. Отрывки из армянского эпоса переводятся на удмуртский язык и будут напечатаны в седьмом номере журнала «Молот». («Удмуртская правда».)

НОВАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ ДЕТИЗДАТА

Государственное издательство детской литературы при ЦК ВЛКСМ приступило к изданию специальной серии книг о замечательных людях нашей страны. Заканчивается производством и в скором времени выдут в свет повести Э. Венденского и К. Тарданяна «Валет» (о Герое Советского Союза В. Коккинаки) и М. Орлика и Е. Герасимова «Шорс». В течение 1939 года будут изданы также повести В. Саблина и З. Фазины «Чрезвычайный комиссар» (об Орджоникидзе), Сергея Григорьева «Александр Суворов», С. Злобина «Салават Юлаев» и С. Мотыславского «Слава» (о юных годах В. М. Молотова). Все книги будут иллюстрированы.

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

«КРАСНАЯ НОВЬ»

Выходящая из печати июльская книга «Красной нови» открывает двумя новыми произведениями: повестью Р. Фраермана «Дикая собака Динго, или повесть о первой любви» и романом Ю. Либедицкого «Боташ и Ботай».

Повесть Р. Фраермана посвящена лирической теме о детстве, созвучной в юности, о первой юношеской любви. Новое произведение Ю. Либедицкого — исторический роман из жизни горских народов Северного Кавказа.

Журнал с этого номера начинает печатание переводов советских поэтов из эпоса «Давид Сасунский», здесь напечатаны переводы К. Липсокова, а в следующем, № 8 — «Красной нови» будут напечатаны отдельные главы эпоса в переводах В. Дерягина, С. Шеринского и А. Кочеткова. В художественном отделе журнала, кроме того, напечатаны стихи В. Луговского, С. Маркова, М. Ангер, перевод В. Шершеневича из «Цветов зла» Боллера и рассказы: Е. Габриловича «Случай на фронте», А. Кременского «День рождения» и В. Дмитриева «Из Лекорию — гражданский натуралист (из эпохи Французской буржуазной революции)».

В июльской книге — большой критический отдел. Основные статьи отдела очерк В. Ермилова о творчестве А. Машинкина «О счастье и мужестве», статьи: Г. Коробельникова — «О стихах и песнях М. Исаковского» и И. Кашкина — «Переписка через океан» (о Хемингуэе).

Сатирический «Свисток» заключает номер. Здесь напечатаны басня С. Болотина «Сопляник-формалист» и полемическая заметка о статье А. Тарасенкова «Путь Маяковского к реализму» в № 4 «Знамени».

«АДЕБИЕТ ЖАНА ИСКУССТВО»

В пятой книге журнала помещен переведенный на казахский язык пролетарский гимн «Интернационал» (переводчик Жароков, Токмагабетов, Бикмуллин). Полноценного перевода пролетарского гимна до сих пор не было не только на казахском языке, но и на некоторых других языках братских республик. Поэтому этот перевод представляет большой интерес.

В отделе поэзии журнала напечатаны отрывки из поэмы молодого казахского поэта Джумагаали Сина «Куляган», стихотворения: Касым Аманжолова — «Сны Иисуса» и Анабаева — «Моя комната».

Редакция с этого номера начинает знакомить читателей с автобиографическим романом Сабит Муканова. Опубликована первая часть романа — детство поэта. Кроме романа в отделе прозы дан рассказ «Последняя ночь» Алтанара Абиева. В отделе критики печатается статья Елешева Тажепа о пьесе М. Ауэзова — «Тунге сыры».

КУРСЫ-КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

МНИСК. (От наш. корр.). Начали работать курсы-конференция молодых писателей при союзе советских писателей БССР. На курсах селились 26 молодых писателей со всех районов республики.

На курсах уже прочитаны лекции о Шекспире, Гейне, Фолбере, Горьком, Маяковском, Шолом-Алейхеме, Купале, Коласе, о древней белорусской литературе. Состоялись встречи с народным поэтом БССР Якубом Коласом, писателями Кузьмой Чорным, Петром Глебка и У. Финкелем, композитором Н. Щеговым, заслуженным деятелем искусств БССР скульптором Э. Аугуром.

Участники курсов просмотрели спектакли «Гамлет» и «Ромео и Джульетта» гастроллирующего в Минске Ленинградского театра Ленсоветов. После просмотра спектаклей состоялась дружеская беседа с художественным руководителем театра С. Э. Радловым и переводчиком Шекспира Анной Радловой.

Курсы продлятся до 15 августа.

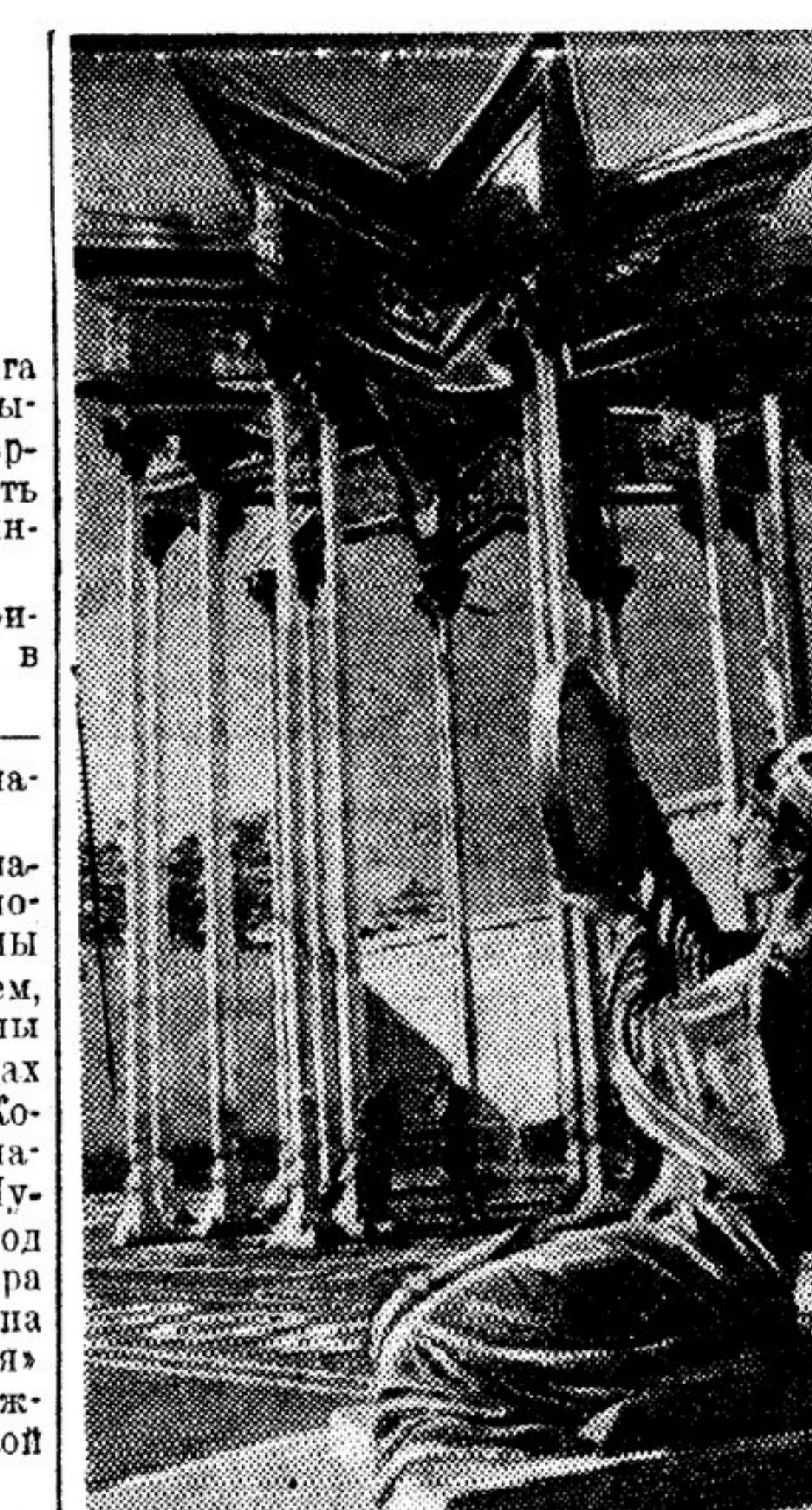
«ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Издательство «Советский писатель» выпустило антологию «Греческая литература» в избранных переводах. Составитель — В. О. Ниллендер.

В антологии помещены полностью и в отрывках лучшие образцы греческой литературы.

Произведения расположены в хронологическом порядке в четыре больших раздела: «Литература гомеровской эпохи», «Литература эпохи образования греческой государственности», «Литература эпохи расцвета афинской демократии», «Литература эпохи кризиса афинской демократии и начала эллинизма».

Антология выходит под редакцией проф. Л. Д. Тарасова.

Павильон «Узбекская ССР» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Фото иллюстрационно-издательского бюро ВСХВ.

В ССР БЕЛОРУССИИ

МНИСК. (От наш. корр.). На последнем заседании правления союза писателей БССР приняты в члены союза писателей молодой поэт Адам Русак (автор текста песни «Будьте здоровы») и критик М. Юденич. Из кандидатов в члены союза писателей переведены прозаик Юрка Витбиц. Правление заслушало план научно-исследовательской работы Института литературы и языка Академии наук БССР. План предусматривает издание двух учебников истории белорусской литературы для высшей и средней школы, а также трехтомной истории белорусской литературы.

Будут изданы произведения белорусских писателей XIX столетия Лунина-Мардышевича и Ф. Богусевича, критические работы о Купале, Коласе, Бядуле, Богдановиче.

Намечено к изданию собрание сочинений покойного писателя Эдуарда Самуиленка.

«СОВЕТСКАЯ УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА 15 ЛЕТ»

Институт литературы и языка в Ташкенте к 15-летию Узбекской ССР выпускает сборник «Советская узбекская литература за 15 лет». Сборник имеет отделы: критики, прозы, поэзии, фольклора.

Отдел поэзии подготовил к печати и редактировал т. Шафаруддинов, драматургии — тт. Хусанов и Якупов, прозы — тт. Ултанов и Латипов, фольклора — тт. Каримов и Авзалов.

ХРОНИКА

* Союз советских писателей Татарии создал комиссию в составе тт. Ш. Манур, Х. Туфаня, Э. Исханови для подготовки к юбилею «Давида Сасунского».

* Составлена новая редакционная коллегия журнала «Совет Эдабиети» — органа союза советских писателей Татарии. В редакционную коллегию вошли: Ш. Камал, Тажи Гиззат, С. Хаким, Т. Имамтуллин (от редактор) и Г. Кашшафа.

* Фольклорный кружок Харьковского государственного университета организовал экспедицию в Курскую область для сбора материалов народного творчества. Экспедиция посетила Солнцевский, Мантуровский, Ястребовский и Старо-Оскольский районы, записывая самый разнообразный материал по доктябрьскому и покттябрьскому фольклору. Всего экспедицией собрано до 3000 сказок, песен, поэм, сказок, частушек, рассказов и т. д.

* Узбекская киностанция приступила к съемкам новой документальной кинокартины о строительстве большого Ферганского канала. Сценарий написал Юрий Арбат и М. Юров. Операторы — М. Ковчати и Ш. Захидов.

Новые книги

Государственное издательство «Художественная литература» в ближайшие дни выпускает ряд новых книг:

Мартин Андерсен Нексе — «Дитя человеческое». Перевод с датского и последействие А. В. Гаянса.

Второе после «Пелле-завоевателя» крупное произведение датского писателя.

«Моя милиция» — Литературно-художественный сборник, рассказывающий о многогранной и героической работе советских милиционеров, их повседневной борьбе за охрану социалистического порядка, жизни и труда советских граждан. В сборнике напечатаны произведения Леонида Соловьева — «Девяносто шестая женщина», Вл. Лидина — «Дело №», Павла Низового — «Город в огнях», Александра Яковлева — «Ошпына Володы Гривопа», М. Шкапской — «На черной границе», Ивана Блокимова — «На записке капитана милиции М. Немченко «136», Георгия Шенгели — «Отступление в ночь».

С. Н. Соргеев-Цинский — «Севастопольская страда». Эпопея в трех томах. Том второй.

Во втором томе помещены 4, 5 и 6-я части исторического романа о Крымской войне. Том заканчивается событиями весны 1855 года. В центре книги — штурм Еплатовки и состояние тыла и фронта союзных и русской армий.

Павел Естафьев — «Линия и счет». Повести и рассказы. Издание второе.

В книге собраны повести и рассказы: «Император», «Академик», «Линия и счет», «На станции», «Занятия антрекера».

А. Макаренко — «Флаги на башнях». Повесть в трех частях.

Книге предпослана статья Ю. Луккина «От редактора».

Николай Тихонов — «Избранные стихи». В сборник, издаваемый массовым издательством, вошли лучшие стихи поэта, написанные за время с 1922 по 1939 г.

Александр Новиков — «Перед боем». Стихи. В книге помещены лирические стихи, написанные поэтом в период 1931 — 1938 г.

Центральный нотный МАГАЗИН МОГИЗ

Москва, Неглинная, 14

СБОРНИКИ РОМАНОВ И ПЕСЕН

Алибеев, А. — Избранные песни. Вып. 1. Ц. 2 р. 65 к.

Балакирев, М. — Романы и песни. Ц. 17 р. 50 к.

Балакирев, М. — Сборник русских народных песен. Ц. 5 р. 25 к.

Варламов, А. — Избранные песни. Ц. 3 р. 50 к.

Даргомыжский, А. — Вокнальные ансамбли на стихи А. Пушкина. Ц. 4 р. 25 к.

Даргомыжский, А. — Сборник романсов на стихи А. Пушкина. Ц. 4 р. 50 к.

Мусоргский, М. — Записки народных песен и народные напевы. Ц. 6 р. 25 к.

Мусоргский, М. — Избранные романсы. Ц. 5 р. 25 к.

Пушкин в романах и песнях его современников. Содержание: Романы и песни М. Яковлева, Н. Титова, А. Верстовского, А. Алябьева и др. Ц. 16 р.

Римский-Корсаков, Н. — Романсы и песни на стихи Пушкина. Ц. 6 р.

Григ. Ф. — Романсы и песни, вып. III. Ц. 7 р. 50 к.

Лист, Ф. — Песни, вып. I. Ц. 5 р. 90 к.

Франц, Р. — Избранные песни. Ц. 2 р. 50 к.

Шуберт, Ф. — Зимний путь. Цикл песен В. Моллера. Ц. 11 р.

Шуберт, Ф. — Любовь, мельника. Цикл песен В. Моллера. Ц. 8 р. 50 к.

НОТЫ

ВЫСЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ЗАКАЗЧИКА.

КАТАЛОГИ по всем разделам музыкальной литературы высылаются БЕСПЛАТНО. В требовании необходимо указать, какие именно каталоги высылаются: для пения (сольного и хорового), для фортепиано, инструментов (струнных и духовых), для оркестров (симфонического, струнного, духового) и т. п.

НОТЫ ПОЧТОЙ МОГИЗА МОСКВА, 31, Неглинная, 14.

Новое о П. Я. Чаадаеве

Государственный литературный музей готовит к печати новые, чрезвычайно ценные материалы о П. Я. Чаадаеве, которые в значительной мере должны раскрыть интеллектуальную биографию ближайшего друга Пушкина и одного из крупнейших представителей русской философско-политической мысли прошлого столетия. Чаадаеву посвящается специальный том «Летописей». В него войдут, наряду с хранящимися в Государственном литературном музее обширной перепиской самого «Красноротского философа», дневник его брата Михаила Яковлевича (судящий допод-

лением к биографии Чаадаева), а также многочисленные маргиналии — заметки и записки, сделанные рукой П. Я. Чаадаева на полях книг его личной библиотеки. Научное описание чаадаевских маргиналий — результат пятилетнего труда О. Г. Шереметевой — займет около половины всего тома «Летописей» (в 40 печатных листах).

Том «Летописей», посвященный П. Я. Чаадаеву, выходит под редакцией М. О. Чечановского. Ему же принадлежит подготовка энциклопедических и документальных материалов.

Накануне юбилея Н. Г. Чернышевского

В октябре исполняется пятидесятилетие со дня смерти Н. Г. Чернышевского. Президиум союза советских писателей выделил юбилейный комитет под председательством А. Серафимовича для организации чествования памяти великого писателя.

На первом заседании юбилейного комитета, состоявшегося 8 августа в Гослитиздате, решено просить Президиум Академии наук СССР принять участие в юбилейном комитете, выделив в его состав своих представителей. Наряду с этим кооптированы в состав юбилейного комитета представители национальных республик.

Принято обращение к местным организациям союза советских писателей и филиалам Академии наук СССР о создании юбилейных комитетов на местах.

В период подготовки к юбилею решено провести в клубах и на предприятиях доклады о жизни и творчестве Н. Г. Чернышевского. Гослитиздат должен подготовить постоянную выставку и выставку-передвижку, посвященные писателю. Некоторые члены юбилейного комитета был поставлен вопрос о переводе из Саратов в Москву дома-музея Н. Г. Чернышевского. Предложение это мотивировалось тем, что на месте нет достаточных сил для научной разработки богатейшего содержания музея. Однако против этого

предложения высказались другие члены юбилейного комитета. Они указывали, что созданный по инициативе и усилиям сына Чернышевского замечательный музей писателя должен быть оставлен на месте и на его базе нужно организовать научно-исследовательский институт, в задачи которого вошла бы разработка литературного наследия революционных демократов-шестидесятников.

В заключение комитет заслушал сообщение о выходящих в свет юбилейных изданиях.

Издательство «Художественная литература» выпускает к юбилею три тома из полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, отдельным массовым изданием «Что делать?», сборник избранных статей писателя и однотомник его эстетических и литературно-критических статей.

Что касается книг, посвященных Н. Г. Чернышевскому, то издательство «Художественная литература» выпускает популярный очерк его жизни и творчества, написанный П. Лебедевым-Полыным, и монографию о его творчестве И. Новича.

Юбилейный комитет решил, кроме того, просить Гослитиздат выпустить памятку о Чернышевском, а Детиздат — издать для детей сборник материалов, рисующих образ великого писателя и его деятельность.

В ОТДЕЛЕ РЕДКИХ КНИГ

Отдел редких книг — один из интереснейших отделов Всесоюзной государственной библиотеки им. Ленина. Здесь сосредоточены печатные издания, которые по времени выхода в свет, по тиражу или по своему оформлению представляют выдающийся интерес и исключительную редкость.

Свыше 100 тысяч томов по разнообразнейшим отраслям человеческого знания почти на всех языках мира четко расположены в хронологическом порядке. Особую ценность представляют книги с автографами, книги, оформленные великими мастерами — графиками прошлого, миниатюрные издания конца XVIII века (прихотливые Марии-Антуанетты, пожелавшей носить книгу в перчатке), наконец, массивные инкунабулы — первые книги, отпечатанные непосредственно с наборных литер в период времени от изобретения книгопечатания до 1600 г.

Многие из них прекрасно сохранились и выглядят так, как будто только вчера сошли с печатного станка Иоганна Гутенберга.

К числу замечательных редкостей относятся полная коллекция первых прижизненных изданий сочинений Джордано Бруно с имеющимся на одном из них уникальным автографом великого провозвестника Возрождения — дарственной надписью неизвестному лицу. В этом же разделе XVI в. находятся знаменитые романы о Сиде, изданные в 1561 г., т. е. в период расцвета испанской народной песни.

Очень широко представлена книжно-журнальная продукция эпохи Великой французской революции. Среди обширной коллекции пьес и памфлетов, проникнутой антиабсолютистским духом, имеется один памфлет, направленный персонально против Марии-Антуанетты. История его небезынтересна. Спабренный указанием на лондонское издание, он в действительности был напечатан в Париже и принадлежал перу видного полицейского чиновника, решившего подражать на чуждом жанре. Ловкий авантюрист в надежде замести следы поддел шефу парижской полиции докладывал записку, в которой уведомлял о перехвате «паспорта» и «непристойного сочинения». Получив в ответ значительную сумму денег и распоряжение немедленно отправиться в Лондон для изъятия памфлета, сей «благотворитель закона» отнюдь не затрудняя себя опасным путешествием через Ламанш, «Вернувшись» в подпольствие короткий срок из Лондона, он доставил шефу полиции якобы случайно уцелевшие экземпляры памфлета.

Из иллюстрированных изданий времен Французской революции большое внимание обращает коллекция исторических граверов Дюплесса Берто, причем идеологическая направленность сопроводительного текста изменялась в соответствии с внутриполитической ситуацией и в конце концов, в 1817 г., приобрела законченную роялистскую окраску. В числе революционных периодики имеются все семь номеров журнала Камилла де Мулена «Vieux Cordelle».

Интересен раздел прижизненных изданий сочинений Дидро, Руссо, Гете, Байрона, Гейне и других классиков мировой литературы. Перед нами первое издание «Цветов зла» Боллера, со стихотворения-

ми, запрещенными цензурой и отсутствующими в большей части тиража, за напечатание которых автор был оштрафован на 300 франков, а его издатель Пуде-Малаис и де Бруаз — на 100 франков каждый. Раздел первых изданий прекращает дополнять многочисленные факсимильные издания произведений Шекспира и Сервантеса. Среди книг, репродуцированных фотомеханическим путем, имеется между прочим и «Толковый словарь» русского языка В. Даля, вышедший в 1847 г. в Томо.

Современная книжная продукция Запады в большинстве своем отражает облик для капиталистического мира идейно-культурной застой и распад. Катастрофически сокращаются тиражи и вместе с тем в обратной пропорции взрываются цены на книги, покупка их становится не по карману рядовому трудящемуся. Зато среди состоятельных турманов пышно расцветает библиомафия. Книга из великого хранилища мысли превращается в объект бесмысленного коллекционирования. Не иначе, как в угоду библиофильствующим способам американским («Бумбу лимитированных изданий» (есть и такой клуб...)) выпущены «Листья травы» Уолта Уитмена в количестве... 15 экземпляров. Исключение составляют немногочисленные образцы современного книгопечатания вроде сборника од Кадса и Шелли, переведенного в США в 1937 г., или собрания сочинений Шекспира, иллюстрированного Рокфеллом Кентом.

Богат и многообразен раздел русских книг. Тут и книги, изданные в допетровскую и петровскую эпохи, а также чрезвычайно полно подобранные первые издания сочинений классиков русской литературы. Вот изданные впервые столь назумевшая «Бедная Лиза». Фронтиспис воз-

бращает место гибели героини повести — знаменитый пруд на фоне Симонаво монастыря. А вот один — из нескольких случайно уцелевших — экземпляр идилической поэмы г-на В. Алова «Ганс Кюхельгартен», доставившей автору ее первое разоучарование на литературном поприще. Ошеломляющие отрицательными отзывами критики, Н. В. Гоголь лихорадочно скупал и уничтожал аполлопучную идилию.

Здесь же уникальный экземпляр «Пестрых сказок» Олешевого с автографом и вклеенным оригинальным рисунком Риса, с которого был гравирован фронтиспис этого издания. В большом шкафу разместились крупнейшая коллекция русских альманахов. Здесь и «Северные цветы», и «Мнемозина», и декабристская «Полярная звезда», издававшаяся Бестужевым и Рылевым.

Не малую гордость отдела составляет единственная в своем роде коллекция детских книг, насчитывающая свыше 4.000 названий.

Почетное место по праву занимает группа советских изданий, иллюстрированных лучшими советскими графиками, она наглядно и убедительно демонстрирует подлинный великий культурный прогресс Советской страны.

Отдел редких книг Всесоюзной государственной библиотеки им. Ленина широко известен не только у нас в Союзе, но и за границей. Его материалами пользуются крупнейшие ученые и писатели. В новом выстроеном помещении библиотеки читателям, работающим в этом отделе, будет предоставлен специальный зал в 70 мест. Книга в Советском Союзе — государственное достояние, активный капитал социалистического общества.

Г. ДУРМАН